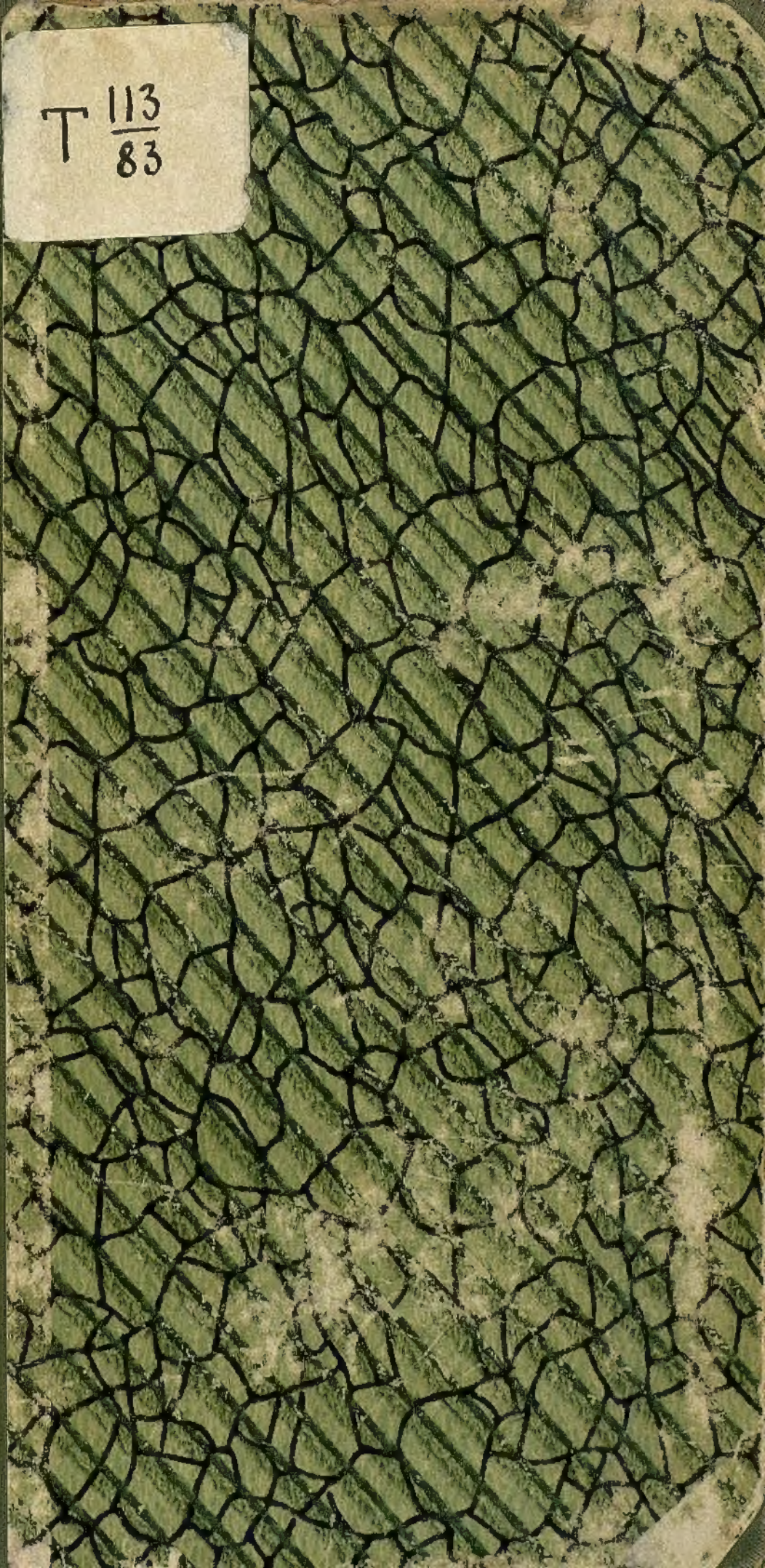
T 113/83



СКАЗАНІЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ

О

РОССІИ,

ВЪ XVI И XVII ВѢКАХЪ.

Перевелъ съ рукописей

В. Любичъ-Романовичъ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1843.

Публич. и Румянцов. Музей Библіотека
343

СКАЗАНІЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ

О

РОССІИ,

ВЪ XVI И XVII ВѢКАХЪ.

Перевелъ съ рукописей

В. Любичъ-Романовичъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,

1843.

ф 1-81
15200

РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Цензоръ *А. Никитенко.*

2007231587

038 148

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

МОСКОВІЮ

РАФАЭЛЯ БАРБЕРИНИ,

ВЪ 1565 ГОДУ

СЪ ИТАЛІЯНСКАГО.

Вамъ[1] извѣстно, что уже два мѣсяца, какъ я возвратился; но не писалъ къ вамъ потому, что, сколько могъ бы вамъ сказать, писалъ я къ Антонію и Маффею[2]; да притомъ и скучными распространеніями боюсь надоѣсть и вамъ и себѣ. Я получилъ письмо ваше отъ седьмаго минувшаго мѣсяца, исполненное родительскихъ наставленій, и съ полною увѣренностію въ ихъ искренности, постараюсь имъ, по возможности, послѣдовать. Во-первыхъ я не полагаю возвратиться въ Московію потому-что, кажется, такъ устроилъ дѣла, что другому это стоило бы большихъ непріятностей, между-тѣмъ, какъ я могу смѣло ожидать себѣ отъ этого много пользы: вамъ уже извѣстно, безъ сомнѣнія, что я отправилъ одно судно въ Нарву, и получилъ отъ повѣрен-

наго письма, въ которыхъ онъ извѣщаетъ меня, что судно пробралось уже чрезъ крейсерства (le ronde). Впрочемъ оно прибыло на мѣсто, спустя нѣсколько недѣль по минованіи крейсерскихъ судовъ, потому-что дулъ ему противный вѣтеръ, который между-тѣмъ благопріятствовалъ имъ. Если же дозволитъ Богъ ему также благополучно и возвратиться, то я увѣренъ, что всѣ мои убытки будутъ вдвое вознаграждены, и я заживу себѣ припѣваючи, потому-что нагрузилъ тамъ свое судно солью, которая на мѣстѣ обошлась мнѣ въ 1500 долларовъ. Притомъ получилъ я и дозволеніе провезти ее. Эту же великую милость оказалъ мнѣ датскій король, по ходатайству московскаго царя, который далъ мнѣ къ нему рекомендательное письмо, отзываясь въ немъ обо мнѣ съ самой лучшей стороны. Онъ же далъ мнѣ еще письмо и къ шведскому королю, испрашивая для меня свободный пропускъ со стороны его кораблей, отъ которыхъ еще до возвращенія моего я все получилъ. Сверхъ-того московскій царь благоволилъ мнѣ даровать, и съ своей стороны, разныя привилегіи, льготы и преимущества, относящіяся, какъ лично до меня, такъ и до всего моего экипажа, освобождая насъ отъ платы пошлинъ и всякихъ повинностей; а какъ въ этомъ краю ведется обычай, что попадись кто туда, не можетъ уже оттуда выйти, онъ сдѣлалъ еще для меня, что людямъ моимъ дарована полная свобода поступить въ этомъ отношеніи какъ имъ заблагоразсудится, безъ малѣйшаго принужденія. Сверхъ-того приставилъ онъ ко мнѣ одного изъ своихъ дворянъ, который, во всю мою бытность тамъ, долженъ былъ сопровождать меня въ пути на нѣсколько тысячъ миль, и выдалъ мнѣ прогоны на лошадей, какъ для меня такъ и для моихъ людей; и такимъ образомъ я проскакалъ по этому краю на лошадяхъ. Обѣдывалъ у него во дворцѣ вмѣстѣ съ нимъ; а въ

прочіе дни, приказано имъ было приносить мнѣ кушанье и питье въ мою комнату; квартира же отводима мнѣ была въ главномъ зданіи, всякій разъ, когда я пребывалъ тамъ на лицо, или же оставлялъ моихъ людей. И другія тому подобныя вѣжливости были мнѣ оказываемы, не смотря, что всѣ туземцы — большіе варвары! * Впрочемъ главнымъ поводомъ къ такому его обращенію со мною были, конечно, привезенныя со мной рекомендательныя письма отъ католическаго короля и англійской королевы; по всему, однако жъ, я провижу открытый путь къ добру; и если бы только я пожелалъ вступить въ его службу, какъ тысячу разъ говорили мнѣ о томъ два плѣнные Феррарца, которые тамъ находятся въ службѣ, то, можетъ-статься, было бы мнѣ тамъ и весьма хорошо, отбросивъ въ сторону неудобства климата; но я не рѣшусь на это; развѣ заставила бы меня крайность: тогда уже, знаю, никакъ не льзя бы мнѣ было выбраться оттуда, между-тѣмъ какъ я стараюсь, при первой возможности, охотно ускользнуть изъ этого края.

Вы желаете отъ меня по-подробнѣе узнать о качествѣ и другихъ частностяхъ этихъ холодныхъ странъ? Чтобъ угодить вашему желанію, постараюсь вамъ все отъ начала описать, что̀, во-первыхъ, самъ видѣлъ, и потомъ, какими нашелъ я тѣ земли, о которыхъ столько наслышался. Я привезъ съ собою множество замѣтокъ о всякой всячинѣ, не смотря на то, какихъ трудовъ и издержекъ стоило мнѣ разговаривать съ природными жителями, которые изъ разныхъ земель приходили ко двору московскаго царя, принося ему свои обычныя

* Хороша благодарность за хорошій пріемъ!

лани. И такъ, начинаю тѣмъ, что прямая дорога отсюда идетъ на Голландію; тамъ переѣзжаете небольшой заливъ, простирающійся миль на тридцать-пять, и вы — во Фридландіи, или землѣ, которую называютъ нивой, землѣ обширной и прекрасной. Потомъ ѣдете срединою Вестфаліи, откуда вышли нѣкогда Лонгобарды, а тамъ прибываете къ границѣ Даніи, которая съ этой стороны миляхъ въ пяти или шести отъ моря; тутъ, на судоходной рѣкѣ, именуемой *Трàва*, находится городъ *Любекъ*. Отсюда, слѣдуя берегомъ моря, встрѣчаете мекленбургскія владѣнія, которыя можно объѣхать въ трое сутокъ; — но какъ самая страна, такъ и почва земли, весьма хороша. Далѣе идетъ дорога, сутокъ на восемь, сплошь чрезъ Померанію, страну плодородную, съ хорошимъ климатомъ и хорошею почвою. Въ сорока миляхъ отъ этой границы находится *Данцигъ*, вольный городъ, состоящій впрочемъ подъ покровительствомъ польскаго короля; онъ знаменитъ своею обширной торговлей и расположенъ между тремя судоходными рѣками, которыя и содѣйствуютъ къ его богатству: одна изъ нихъ вытекаетъ изъ Польши, другая изъ Литвы, и третья тамъ же, не подалеку отъ самой страны, имѣетъ свой источникъ; на этихъ рѣкахъ постоянно находится отъ пяти до шести сотъ большихъ судовъ; торговля здѣсь обширная, и стеченіе народа изъ разныхъ земель, величайшее, даже до невѣроятности! Преимущественно же ведется здѣсь торгъ зерномъ, рожью, смолою, лѣсомъ, поташемъ и тому подобнымъ; а пристаетъ это все въ заливѣ, простирающемся болѣе, чѣмъ на шестьдесятъ миль, отъ моря же въ трехъ миляхъ разстоянія.

Отъ Любека до самаго этого мѣста, сплошь обитали нѣкогда Вандалы; а въ Помераніи и теперь еще насе-

лена ими земля миль на семьдесятъ, гдѣ и доселѣ они говорятъ своимъ нарѣчіемъ, которое довольно похоже на славяно-польское; повсюду простираются пахатныя поля и дикіе сосновые лѣса. Пониже, начиная отъ Данцига, идетъ земля Мазовецкая, именуемая Малою Польшею; еще ниже, за Помераніею — Миснія, потомъ Саксонія; но ѣдучи изъ Данцига къ востоку, встрѣчаете на пути, въ трехъ суткахъ разстоянія, не подалеку отъ самаго моря на берегу залива, городъ Кенигсбергъ, резиденцію прусскаго герцога; потому-что Данцигъ, все еще считается въ Пруссіи. Потомъ въѣзжаете въ Курляндію, тамъ въ Ливонію, обширную область, гдѣ находятся хорошія помѣстья, и самая страна обилуетъ хлѣбомъ и рогатымъ скотомъ; но лѣтъ за десять или двѣнадцать назадъ, была она крайне разорена и до крайней бѣдности доведена страшными, опустошительными войнами; а потому-что сначала была она подъ правленіемъ гросмейстера ордена родосскихъ рыцарей, потомъ перешла отъ него подъ власть московскаго царя, который, вступивъ туда съ войскомъ, взялъ и разорилъ вмѣсмѣ съ тѣмъ бо̀льшую и лучшую ея часть; прочія части достались королямъ польскому, датскому и шведскому, а также и герцогу прусскому. Раздѣлъ этотъ былъ слѣдующій: Поляки получили Ригу, городъ большой, на рѣкѣ Двинѣ, почти у самаго моря; — Ревель, городъ укрѣпленный, во стѣ-пятидесяти миляхъ отъ Нарвы, достался Шведу; Москвитянинъ пріобрѣлъ Нарву, Дерптъ, Псковъ и многіе другіе города и селенія; а Датчанинъ взялъ себѣ Островъ Эзель, составляющій епископство, и окрестныя земли.

Тутъ поворотивъ вправо, и вошедши въ море, встрѣчаете, на пути изъ Любека въ Нарву, прекрасный островъ, принадлежащій Любеку, именуемый Борнгольмъ.

Далѣе множество и другихъ острововъ, частью принадлежащихъ шведскому королю, и другимъ. Море это, мѣстами уже, мѣстами шире; самое узкое его мѣсто у Ревеля, гдѣ простирается оно всего миль на пятьдесятъ, не больше. Оно доходитъ до самой Нарвы, но тутъ, поворотивъ къ Швеціи, образуетъ другой заливъ, который и идетъ въ самую глубь того края. Море у Нарвы совершенно прѣсное на вкусъ, хотя и все вообще не такъ солоно, какъ прочія моря. Нарва находится миляхъ въ осьми отъ моря, на рѣкѣ, съ одной стороны которой лежитъ замокъ, принадлежавшій нѣкогда вышеупомянутымъ родосскимъ рыцарямъ; а по другую ея сторону, насупротивъ замка, простирается городъ, именуемый *Ивангородъ*, (Ivanogrod), тоже съ укрѣпленнымъ замкомъ, такъ-что изъ одного замка въ другой, который расположенъ на самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки, можно пробраться по одному утесу. Изъ этого-то замка и взяли Москвитяне Нарву (Nerva), тому десять лѣтъ назадъ, могши удобно туда бросать бомбы, которыми предали огню и разрушили до основанія большую часть домовъ. Рѣка эта называется также Нарва; судоходна до самаго города, и беретъ свое начало, повыше города, на разстояніи одной италіянской мили, вытекая изъ озера, и вдругъ низвергаясь огромнымъ водопадомъ съ ужаснымъ ревомъ и шумомъ. Озеро это зовется *Пебусъ* (Pebus); шириной оно въ пятьдесятъ, длиною въ сто-пятьдесятъ миль; принимаетъ въ себя болѣе пятидесяти небольшихъ рѣчекъ, и одну изливаетъ, протекающую чрезъ городъ Нарву, обильнѣйшую рыбою, въ особенности самыми лучшими миногами, пискарями и тому подобными.

Отсюда, подвигаясь все далѣе на востокъ, проѣзжаете страну болотную и поросшую еловыми лѣсами, съ фан-

тастическими и несносными, насильно пробитыми дорогами, да кое-гдѣ усѣянную деревянными избушками, и вообще мало населенную: тамъ находится *великій-Новгородъ* (la gran Nogard), большой деревянный городъ, по пользующійся въ этихъ странахъ прегромкою славою: впрочемъ онъ имѣетъ каменную крѣпость; посреди его протекаетъ большая рѣка, именуемая Волхой, на которой есть замѣчательный мостъ, застроенный домами и лавками, будто цѣлая и весьма длинная улица. Городъ этотъ во стѣ-пятидесяти миляхъ отъ Нарвы. Выѣхавъ отсюда попадаете въ страну съ топкими болотами, рощами, селеніями и монастырями. Тутъ встрѣчаете потомъ довольно хорошій городокъ, именуемый *Торжокъ* (Dorcioch), миляхъ во стѣ-двадцати отъ Новагорода; далѣе же за Торжкомъ, во стѣ-пятидесяти миляхъ отъ него, находится большой и хорошій городъ, на рѣкѣ Волгѣ, называемый *Тверь* (Otfer)[3]; потомъ идетъ страна гораздо лучше; воздѣланныя нивы и мѣстами холмы. Миляхъ почти въ трехъ-стахъ отъ этого города находится *Великое Княжество Московское*, гдѣ главнымъ городомъ—*Москва* (Mosca) на рѣкѣ того же имени; рѣка Москва вытекаетъ въ окрестностяхъ Твери, и до самой Москвы несудоходна. Здѣсь обыкновенно пребываетъ великій князь московскій. Городъ этотъ преобширный, но застроенъ болѣе чѣмъ $\frac{7}{8}$ деревянными строеніями. Имѣетъ крѣпость съ прочными, но неукрѣпленными, каменными стѣнами; крѣпость эта построена нѣкогда Италіянцами. Есть также тамъ нѣсколько большихъ церквей, красивой архитектуры, и великокняжескій дворецъ съ золотыми крышами и куполами, тоже построенный Италіянцами, которые были, когда-то, отведены туда плѣнными изъ Польши и Литвы. Кромѣ того находится еще тамъ невѣроятное множество церквей и малыхъ и большихъ, и каменныхъ и деревянныхъ, такъ-что нѣтъ улицы, гдѣ не было бы ихъ по нѣскольку; по-этому

даже несносно, какъ, въ Николинъ день, начнутъ день и ночь гудѣть колокола, которыхъ тамъ безчисленное множество. Дома въ этомъ городѣ, какъ и въ прочихъ городахъ и селеніяхъ, небольшіе и дурно расположены, безъ всякаго удобства и надлежащаго устройства. Во-первыхъ, большая изба, гдѣ ѣдятъ, работаютъ, однимъ словомъ, дѣлаютъ все; въ ней находится печь, нагрѣвающая избу; и на этой печи, обыкновенно ложится спать все семейство; между тѣмъ не придетъ имъ въ голову хотя бъ провести дымовую трубу; а то даютъ распространяться дыму по избѣ, выпуская его только чрезъ двери и окна, такъ-что немалое наказаніе тамъ оставаться.

Новгородъ управляется своимъ княземъ, посылаемымъ туда отъ великаго князя; прочіе города имѣютъ у себя только воеводъ. Весь этотъ путь совершается на почтовыхъ лошадяхъ, которыя бѣгутъ чрезвычайно шибко; почтовыя станціи предлинныя, и лошади небольшія, правда, но за то пресильныя и прекрасивыя. Такія же почты учреждены государемъ и по всему его краю, гдѣ на каждой держится лошадей обыкновенно человѣкъ на тридцать и на сорокъ. Но лошади не стоятъ всѣ въ одной конюшнѣ, какъ это водится въ другихъ земляхъ, а содержатъ ихъ поселяне, и чуть кому понадобится лошадей, тотчасъ всякій поселянинъ выводитъ свою для проѣзжаго, и тутъ уже пойдутъ обыкновенно споры между ними, потому-что каждому хочется свою скорѣе подсунуть; но при этомъ, надобно самому запастись сѣдломъ и уздечкою, потому-что лошадей даютъ они безъ ничего. Всякій же разъ, когда случится московскому государю затѣять войну, какъ это было лѣтъ тому десять, когда вспыхнула война въ Ливоніи, онъ повелѣваетъ, чтобы были по дорогѣ всѣми

поселянами выставлены ихъ лошади для почтовой ѣзды, и такимъ образомъ отъ шести до восьми тысячъ людей, по пяти-сотъ человѣкъ разомъ, пролетаютъ въ нѣсколько часовъ изъ одного мѣста въ другое, такъ-что войско его вторгается въ непріятельскую землю внезапно, и грабитъ, хватаетъ въ плѣнъ, и опустошаетъ земли, прежде нежели непріятель успѣетъ узнать о его вторженіи. Такъ дѣлалъ онъ всегда, и теперь еще дѣлаетъ, дѣйствуя въ подобныхъ случаяхъ съ невѣроятною быстротою.

Но обратимся къ рѣкѣ Москвѣ. Слѣдуя по этой рѣкѣ, когда течетъ она самымъ узкимъ русломъ, встрѣчаете миляхъ въ шестидесяти греческій монастырь Святой Троицы. Въ немъ до двухъ-сотъ-пятидесяти иноковъ; монастырь большой, каменный, и защищается артиллеріею; доходы получаетъ онъ огромнѣйшіе, и содержится на счетъ прихожанъ. Зато уже всякій разъ, какъ пожалуетъ туда великій князь съ огромнѣйшею свитою, монастырская братія должна принять и угостить всѣхъ. При этой обители находятся обширные лѣса и пропасть звѣрей; между прочимъ въ особенности множество огромнѣйшихъ медвѣдей, которые такъ бываютъ смѣлы, что и по домамъ нападаютъ на людей.

Въ девятидесяти миляхъ отъ Москвы находится еще городъ *Коломна*, (Colanna), чрезъ который протекаетъ та же рѣка Москва, впадающая, миляхъ въ пяти или шести оттуда, въ большую рѣку, именуемую *Ока* (Ocha), которая за пять-сотъ миль отъ Москвы впвается въ Волгу, тамъ гдѣ стоитъ *Нижній-Новгородъ* (Labassa Nogard), городъ красивый и имѣющій каменную крѣпость. По этой же рѣкѣ есть тамъ еще и другія города и

селенія, и множество рѣкъ въ нее впадаетъ; а протекаетъ она лѣсами и полями, то болотистыми то плодородными, и направляетъ свое теченіе прямо къ Каспійскому Морю. Въ пяти-стахъ миляхъ отъ *Нижняго* лежитъ, на этой же рѣкѣ, другой городъ—*Казань* (Casano), столица царства татарскаго, но покоренная московскому государю, который уже строитъ тамъ пынѣ крѣпость. За этимъ городомъ вытекаетъ рѣка *Рѣчица* (Rechziza), впадающая съ восточной стороны въ Волгу, которая, какъ выше сказано, вливается въ Каспій многими рукавами, о чемъ я знаю только по слухамъ. Въ нѣсколькихъ же миляхъ отъ ея устьевъ находится *Астрахань* (Astracano), тоже столица татарскаго царства, и равно подчиненная скипетру московскаго государя.

Но обращаясь къ тому, что самъ я видѣлъ, скажу, что почти во стѣ-сорока миляхъ отъ Нижняго Новагорода находится рѣка, текущая съ юга, и именуемая *Сура* (Zura); вливается она въ Волгу, тамъ именно, гдѣ стоитъ крѣпость называемая *Васильевъ-городъ* (Basilonugorod). Рѣка эта составляетъ границу московскаго княженія и казанскаго царства. Не въ многихъ миляхъ оттуда протекаетъ еще другая рѣка, именуемая *Малая Москва*, которая впадаетъ въ Оку повыше города Мурома (Muron). На этомъ пространствѣ, между означенными двумя рѣками, находятся большіе лѣса, въ которыхъ обитаетъ народъ — *Мордва* (popoli Morduisti), частью идолопоклонническій, частью, магометанскаго исповѣданія, подчиненный тоже московскому государю; народъ это воинственный, но нѣшій, вооруженный луками и стрѣлами. Спускаясь ниже, встрѣчаете преогромное озеро, которое, какъ сказывали мнѣ, имѣетъ тысячу миль въ окружности; называется оно *Иванъ-озеро* (Ivanowo-osero) и разливается между огромными

лѣсами, на самой границѣ Азіи и Европы. По этому озеру находится больше деревянныхъ селеній и городовъ; замѣчательнѣе прочихъ городъ. *Тула* (Tula); близъ него миляхъ въ сорока вытекаетъ рѣка Донъ (Tanai), которая гораздо больше своею славою, чѣмъ водою или пользою, какую можно бы было извлечь; судоходною становится она только у Донкова (Doncho) обширнаго города, лежащаго на этой рѣкѣ близъ Тапы (Tana); но мѣстами она преузкая, мѣстами же, разливается по полямъ Ногайскихъ Татаръ, гдѣ уже такъ широка, что съ одного берега не видно другаго. Этотъ Донъ отъ Донкова до Меотическаго болота (Азовскаго Моря), откуда вытекаетъ, судоходенъ на пространствѣ четырехъ-сотъ миль, сухимъ путемъ; если же ѣхать водою, то будетъ пути на двадцать дней, потому-что эта рѣка чрезвычайно какъ извивается, миляхъ въ тридцати пяти или сорока отъ Волги; потомъ, поворотивъ, впадаетъ въ нее близъ города, именуемаго Азовъ (Asoph); городъ этотъ, сказываютъ, торговый и стекается туда множество иноземныхъ народовъ, — такъ говорили мнѣ приходившіе оттуда Черкессы (Circassi). –

Отъ вышеупомянутаго озера, поворачивая снова къ Московіи, въѣзжаете въ сѣверное царство, изъ котораго вытекаетъ рѣка, именуемая Малый Танаисъ или *Донецъ* (piccolo Tanaï). Страна эта обильна хлѣбомъ, фруктами и всякаго рода дичью. Между Окою и Дономъ остается еще владѣніе, именуемое *Рязань*, которое также обильно хлѣбомъ, рогатымъ скотомъ, медомъ и воскомъ, всякаго рода дичью, и въ особенности — самыми крупными перепелами; а зерно тамъ даетъ каждое по три колоса, потому-что земля чрезвычайно какъ жирна. Потомъ, между югомъ и Москвою, миляхъ въ трехъстахъ отъ послѣдней, пролегаютъ многія болота и топи:

страна эта называется – *Мценскъ* (Mscench). Отсюда вытекаетъ и рѣка Ока; здѣсь множество городовъ и селеній, и когда нападетъ сильный непріятель, здѣшній народъ тотчасъ спасается въ означенныхъ болотахъ; между прочими, есть здѣсь городъ такъ называемый *Кошира* (Cossira), гдѣ находятся большія желѣзныя и стальныя рудокопни, и всё это въ рукахъ у русскаго, то есть, московскаго государя.

Въ одномъ изъ этихъ городовъ, именуемомъ *Калуга* (Coluga), Москвитянинъ этотъ содержитъ гарнизонъ, состоящій изъ нѣсколькихъ тысячъ Татаръ, на военной ногѣ и во всей готовности, при первомъ случаѣ, ударить или на Крымскихъ Татаръ, или Литву, либо куда ихъ пошлютъ.

Отсюда, поворачивая къ югу, находите Литву, гдѣ на рѣкѣ Днѣпрѣ, или Бористенѣ (Boristene), лежитъ большой городъ *Смоленскъ* (Simolenzico), бывшій епископствомъ и частнымъ помѣстьемъ, пока не взяли его Русскіе. Этотъ край литовскій, подчиненъ Польшѣ, хотя Русь у нея и отняла нѣсколько городовъ, изъ числа которыхъ важнѣйшимъ считается *Полоцкъ* (Polozicho), и за который у нихъ вѣчная война. Страна эта весьма изобильна водою, тѣмъ болѣе, что находится тамъ огромнѣйшій и преболотистый лѣсъ, откуда вытекаетъ нѣсколько большихъ рѣкъ; лѣсъ этотъ крестьяне называютъ *Волконскимъ* (Vuolkonski). Здѣсь получаетъ свое начало и самая Волга, которая течетъ сперва на сѣверъ, потомъ поворачиваетъ къ востоку, и наконецъ направляетъ свое теченіе къ Каспійскому Морю, куда, какъ выше сказано, и вливается она; отъ истока же до устья принимаетъ въ себя семдесять–двѣ посторонніе рѣки; производитъ множество рыбы, но преимущественно ловятся

въ ней огромнѣйшіе осетры; я самъ видѣлъ ихъ премножество, потому-что развозятъ ихъ солеными по всему государству. Неподалеку оттуда, гдѣ вытекаетъ упомянутая рѣка, есть селеніе именуемое *Днѣпрскъ* (Dniepersko) близъ котораго и получаетъ свое начало Днѣпръ или Борнстенъ; оттуда же недалеко, находится также *Троицкій монастырь* (la Trinità), близъ котораго вытекаетъ и другая рѣка, именуемая *Днѣпрецъ*, или Малый Борнстенъ (piccolo Boristene), который, впрочемъ, составляетъ большую и судоходную рѣку, протекающую, по прямому направленію, къ Каффѣ, (Caffa).

Границу между Литвою и Московіею составляетъ рѣка, именуемая *Орша* (Orsa), на которой находится и крѣпость того же имени; близъ этого мѣста, лѣтъ тому пятьсотъ-одиннадцать, происходило сраженіе и была величайшая смертность на сторонѣ Русскихъ, по поводу мужества и хитрости Литовцевъ, которыхъ было тутъ всего шестьдесятъ-тысячъ, а положили они на мѣстѣ сто-тысячъ Русскихъ. По сіе время еще стоитъ здѣсь церковь, полная костей, которую тогда же построилъ какой-то помѣщикъ — для уборки труповъ, разбросанныхъ по полямъ. Все это, кажется, сказки, а между тѣмъ и дѣйствительно таковъ народъ, которымъ обилуетъ эта страна! Не смотря на то, что подвластныя московскому государю земли сами по себѣ обширны, набирается имъ народъ для службы и въ другихъ странахъ; и я самъ былъ свидѣтелемъ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, какъ московскій государь выступалъ въ походъ съ сорока-тысячами конницы, набранной изъ Москвитянъ и Татаръ, а за ними ѣхали четыре-тысячъ санеи, нагруженныхъ провіантомъ и амуниціею, да еще позади войска шло триста коней, выбранныхъ изъ табуна, для подъема усталыхъ.

Москвитяне исповѣдуютъ религію греческую. Они весьма суевѣрны въ живописи и изображеніи святыхъ; поклоняются одному святому Николаю, почти не упоминая о другихъ Божьихъ угодникахъ; и празднуютъ день этого святителя, больше чѣмъ всякаго другаго. Надобно знать, что они весьма наклонны къ пьянству, и даже до такой степени, что отъ этого происходитъ у нихъ много соблазна, зажигательство домовъ и тому подобное. Обыкновенно Государь строго воспрещаетъ имъ это; но чуть насталъ Николинъ день, — дается имъ двѣ недѣли праздника и полной свободы, и въ это время имъ только и дѣла, что пить день и ночь! По домамъ, по улицамъ, вездѣ, только и встрѣчаете, что пьяныхъ отъ водки, которой пьютъ много, да отъ пива и напитка, приготовляемаго изъ меда[4].

Иностранцевъ не впускаютъ въ свои церкви, развѣ когда перекрестятся въ ихъ вѣру; мнѣ, однако жъ, удалось два раза побывать въ ихъ церквахъ, одинъ разъ днемъ, другой разъ ночью; и увидѣлъ я тамъ, словомъ, всѣ тѣ же обряды и обычаи, какіе видѣлъ въ Греціи въ подобныхъ церквахъ, тоже — свѣчи, лампады, множество иконъ и распятій, но на нихъ Спаситель пригвожденъ четырьмя гвоздями, то есть, руки и ноги — порознь. Обрядъ богослуженія совершенно греческій; вся обѣдня, впрочемъ, совершается на природномъ ихъ языкѣ, а при совершеніи даровъ, вмѣсто *облатки*, употребляютъ *хлѣбъ*; постятся нѣсколько разъ въ годъ и то со строгимъ воздержаніемъ; во первыхъ, въ нашъ обыкновенный великій постъ, потомъ въ Филипповъ постъ, въ Петровскій, и многіе другіе, такъ-что это доходятъ до конца года. Обыкновенно крестятъ своихъ дѣтей, какъ и мы, въ церкви, и тоже съ кумовьями; но, по ихъ словамъ, мы не хорошо крещены, по двумъ причинамъ, въ чемъ и различаются они отъ насъ,—а именно: они не допускаютъ священнику права говорить при крещеніи:

тебя крещаю! но для этого употребляется у нихъ другая формула при семъ священномъ таинствѣ:« Крещается рабъ Божій такой-то, или раба Божья такая-то, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» — Сверхъ-того, они говорятъ, что Христосъ, когда крестился, стоялъ до половины въ водѣ; почему и не довольно окропить голову: нѣтъ, надо, какъ они дѣлаютъ, три раза всего младенца погрузить въ воду, потомъ обходятъ вокругъ купели, со свѣчами въ рукахъ, приговаривая нѣкоторыя слова, и со святымъ элеемъ кладутъ крестныя знаменія на многихъ мѣстахъ тѣла младенца, даже подъ пятами, причемъ, однако жъ, не употребляютъ соли.[6]

Народъ этотъ когда женится, беретъ себѣ только одну жену, и если она умретъ, могутъ вторично жениться; (здѣсь разумѣется о міряпахъ, по тому-что о бѣломъ духовенствѣ и монахахъ будетъ говорено ниже); и такъ возвращаюсь къ міряпамъ: когда случится, что мужъ и жена, оба согласны развестись и покинуть другъ друга, въ такомъ случаѣ соблюдается у нихъ слѣдующій обычай: оба идутъ къ текучей водѣ, мужъ становится по одну сторону, жена по другую, и взявъ съ собою кусокъ тонкаго холста, тутъ тащатъ его къ себѣ, каждый за свой конецъ, и раздираютъ по поламъ, такъ что у каждаго въ рукахъ остается по куску; послѣ чего расходятся оба въ разныя стороны, куда кому вздумается, и остаются свободными[6]. Есть еще у большей части этого народа обычай, что когда замѣчаютъ жизнь свою въ опасности и уже не надѣются спастись отъ смерти, поступаютъ въ монахи и отпускаютъ отъ себя жену; если же потомъ и случится, что оживутъ и оправятся отъ своей болѣзни, все-таки должны уже, хотя не хотя, остаться на всю жизнь въ монашествѣ, а жены ихъ ищутъ своей доли;[7] услышавъ объ этомъ, я чуть было не расхохотался: мнѣ пришло на умъ, что если бы такой обычай завелся и у насъ, то знаю одно-

го пріятеля, который нарочно прикинулся бы больнымъ, и рѣшился бы навсегда остаться монахомъ, лишь бы только освободиться ему отъ своей жены! — Монаховъ у нихъ множество, и всѣ они одного ордена, по греческому обычаю; но уже монахи эти не могутъ жениться; равнымъ образомъ, есть у нихъ и монахини, которыя ходятъ почти въ такой же рясѣ, какъ и монахи; хотя многія изъ нихъ весьма богаты, но есть, однако жъ, и такія, что даже по необходимости, а не по обѣту, живутъ однимъ подаяніемъ. Священники (бѣлое духовенство) должны быть женаты; но если умретъ у нихъ жена, то уже не могутъ жениться вторично, ни отправлять священничества *.

Въ обычаѣ у этого народа имѣть всегда у себя, въ дому, иконы нѣкоторыхъ угодниковъ божьихъ; и потому,— когда кто-нибудь изъ друзей войдетъ со двора въ комнату, по дѣлу или такъ, повидаться съ хозяевами, остановится сперва на порогѣ той комнаты, гдѣ находятся образа, и прежде чѣмъ поздоровается съ кѣмъ, сниметъ шапку, три раза перекрестится отъ головы до пояса, и потомъ уже, поклонясь домовому хозяину, начинаетъ говорить и объяснять свое дѣло. Такимъ образомъ поступаютъ и при уходѣ изъ комнаты; идутъ ли также по улицѣ, лишь-только увидятъ гдѣ на пути нкопу, либо церковь, вблизи или вдали, тоже начинаютъ креститься до безконечности; а также ѣдутъ ли и дорогою, да запримѣтятъ вдругъ церковь, какъ ни была бы далеко, хоть даже одну только колокольню, тотчасъ слѣзаютъ съ повозки, и тоже до безконечности крестятся передъ нею.

Вообще чрезвычайно какъ ревнуютъ своихъ женъ и мало дозволяютъ имъ отлучаться со двора; да и не безъ причины такъ ревнивы они: мущины и женщины у нихъ чрезвычайно какъ хороши собою и здоровы. Одно только, что женщины обыкновенно употребляютъ

румяны и бѣлила, къ тому же такъ непріятно, что стыдъ и срамъ!

При женитьбѣ или выходѣ за мужъ соблюдается слѣдующій обычай: въ самый день свадьбы, по утру, происходитъ въ домѣ обрядъ одѣванія невѣсты, въ присутствіи родныхъ и женіха; потомъ идетъ невѣста въ церковь, съ закрытымъ лицемъ; тамъ священникъ, по совершеніи обряда бракосочетанія, надѣваетъ женіху и невѣстѣ кольца, и потомъ, заставивъ ихъ цѣловаться, беретъ кубокъ съ виномъ, и новобрачные пьютъ вмѣстѣ со священникомъ; послѣ чего бросаетъ онъ вдругъ кубокъ на полъ, а молодые внимательно смотрятъ, къ кому изъ нихъ прежде подкатится этотъ кубокъ подъ ноги. [9] Я спрашивалъ, длячего бы это дѣлалось, но не умѣли мнѣ объяснить значенія такого обычая! — Потомъ, возвращаются домой; у молодой лицо уже открыто, на плеча накинутъ соболій или куній, или другой какой-нибудь мѣхъ, смотря по состоянію: по прибытіи домой, новобрачная чета проходитъ по разостланному вездѣ на полу бѣлому холсту, по которому и ведутъ ихъ сажать на постель. Тутъ подносятъ имъ вареную курицу, и, каждый изъ нихъ оторвавъ отъ нея по кусочку, кушаетъ; потомъ идутъ съ родными за столъ; послѣ чего пляшутъ и играютъ на своихъ странныхъ инструментахъ, наконецъ молодые отправляются къ себѣ въ спальню для совершенія брачнаго таинства. Здѣсь замѣтьте одно преварварское обыкновеніе: отецъ или мать, или братъ невѣсты, или кто-нибудь изъ ближайшихъ ея родственниковъ, становятся у двереи спальни, и выжидаютъ, пока не выйдетъ оттуда молодой объявить имъ, какъ онъ нашелъ свою жену, невинною, или нѣтъ; и передаетъ онъ это слѣдующимъ образомъ: выходитъ онъ изъ спальни съ полнымъ кубкомъ вина, а въ донышкѣ кубка просверлено отверзтіе, и молодой прикрывая его снизу пальцемъ, подноситъ въ такомъ видѣ кубокъ упомянутому ближайшему родственнику же-

ны: если полагаетъ онъ, что нашелъ ее невинною, то залѣпливаетъ сперва то отверзтіе воскомъ, такъ чтобы вино не могло пролиться, и такимъ образомъ, отецъ и всѣ кто тутъ ни есть, смѣло пьютъ изъ этого кубка; въ противномъ случаѣ, молодой отнимаетъ вдругъ отъ отверзтія палецъ и до-тѣхъ-поръ проливаетъ оттуда вино на стоящаго предъ дверьми женинаго родственника, пока тотъ не дастъ ему сколько-нибудь денегъ, чтобъ только остался онъ доволенъ, и тогда они мирятся.

Что же касается до правосудія, то не слѣдуютъ они *Бальдовымъ* или *Бартолевымъ законамъ*, но, какъ угодно государю, такъ и рѣшается судъ; отчего часто бываетъ, что одинъ за безлѣпицу предается на съѣденіе медвѣдямъ, и отнимается все у него имущество, тогда какъ другой, хотя бы и въ чемъ большемъ провинился, о томъ даже и не говорится!.... а по-этому и страхъ какъ боится народъ своего государя, и гораздо болѣе ему повинуется, чѣмъ гдѣ-нибудь другіе народы своимъ повелителямъ. И этотъ страхъ такъ на нихъ дѣйствуетъ, что большею частью не смѣютъ они выказывать своего имущества; даже знаю я такихъ, у которыхъ и довольно есть денегъ, а одѣты всегда чрезвычайно дурно, и деньги свои, письма и другія вещи прячутъ въ домѣ у кого-нибудь изъ своихъ иноземныхъ друзей, не довѣряя въ томъ ни матери, ни брату! Часто государь имѣетъ обыкновеніе посылать своихъ дворянъ, которые тамъ называются *боярами* (Bojari), на жительство изъ одной земли въ другую, изъ другой въ третью, и такъ далѣе; особенно теперь, когда взялъ онъ подъ свою власть столько земель, какъ-то Литву, Полоцкъ и Смоленскъ, куда уже многихъ онъ выслалъ изъ богатѣйшихъ бояръ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ получше радѣли объ этихъ земляхъ, и хорошенько присматривали, не допуская, чтобъ могъ быть нанесенъ какой-нибудь вредъ тому краю.

Разсказывали мнѣ еще, что будто не разъ тамъ слу-

чалось: вдругъ потребуетъ государь, у кого-нибудь изъ своихъ вассаловъ, извѣстной суммы денегъ; а тотъ пусть только вздумаетъ извиняться, что нѣтъ у него столько, или какъ-нибудь въ этомъ родѣ, — раздраженный отказомъ, государь повелѣваетъ тотчасъ, отнять у него домъ и все что тамъ найдется..... потомъ уже и неслышно ничего, что съ нимъ послѣдуетъ; даже о томъ и говорить никто не смѣй[10]. И такимъ-то образомъ самопроизвольно управляетъ онъ государствомъ.

Вездѣ, по всему своему государству, управлять какою-нибудь страною, посылаетъ онъ одного изъ упомянутыхъ бояръ съ титуломъ воеводы; и они, въ обыкновенныхъ дѣлахъ, какія тамъ встрѣтятся, поступаютъ самоуправно; но чуть дѣла поважнѣе, они должны уже доносить о томъ двору, то есть, въ Москву. Въ этой землѣ шестьдесятъ-восемь домовъ, называемыхъ у нихъ *избами* (stufe), въ которыхъ держится судъ и расправа по гражданской части всего края; по-этому каждый изъ этихъ домовъ и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи столько же приписныхъ городовъ и селеній, которыхъ жители прибѣгаютъ къ нимъ въ своихъ нуждахъ, и тягаются безъ посредничества довѣренныхъ или стряпчихъ (senzo procuratori o avvocati), но всякъ по себѣ пріучается доказывать свои права. Когда же кто долженъ другому по ясным сдѣлкамъ, а заимодавецъ требуетъ себѣ уплаты, въ такомъ случаѣ, тотчасъ предписывается должнику являться, каждое утро въ назначенный часъ, въ то судебное мѣсто, откуда получилъ предписаніе; а такихъ начальствъ тамъ множество; и тутъ они освобождаются на поруки, или же сажаются въ кандалы; и когда потомъ, чрезъ два часа, предстанутъ они, по знаку данному колоколомъ, выводятъ ихъ на улицу, снявъ съ нихъ кандалы, и сержанты не перестаютъ колотить ихъ палками по икрамъ, до-тѣхъ-поръ, пока не заплатятъ они своихъ долговъ; такимъ образомъ всякое утро можно ихъ видѣть сотнями предъ этими дома-

ми, какъ мущинъ такъ и женщинъ. Видѣлъ я даже одного князя, который, каждое утро, пріѣзжалъ верхомъ, являться на казнь, и зато, что однажды подкупилъ онъ сержанта, чтобъ билъ его потише, были потомъ биты оба, какъ онъ, такъ и тотъ сержантъ; да еще самъ онъ былъ битъ въ продолженіе многихъ дней, и я видѣлъ того и другаго."

Если же иногда, что̀, впрочемъ, часто случается между Москвитянами, зайдетъ у нихъ споръ такого рода, что одинъ не признаетъ себя должнымъ, а другой утверждаетъ, что тотъ долженъ ему, и нѣтъ у него, между-тѣмъ, никого изъ свидѣтелей или письменнаго на то доказательства, то обыкновенно, не довѣряя имъ обоимъ, заставляютъ ихъ рѣшить этотъ споръ междоусобной схваткой (combattere corpo a corpo), на площади, которая для этого нарочно предназначена и избрана. Тутъ если одинъ изъ нихъ, или оба вмѣстѣ, по трусости или по старости, или же, почему-нибудь другому, не захотятъ драться, въ такомъ случаѣ могутъ они назначить кого-нибудь другаго, чтобъ подрался за нихъ; а такихъ охотниковъ всегда тамъ довольное множество, что̀ за деньги рады согласиться и итти подраться за другихъ. Презабавно видѣть, какъ, идучи на этотъ подвигъ, бываютъ они вооружены; для этого берутъ они съ собою столько всякаго оружія, что, если бы пришлось имъ упасть отъ тяжести своего вооруженія, ужъ никакъ бы не могли подняться на ноги! Во-первыхъ, надѣваютъ они на себя большую кольчугу съ рукавами; поверхъ нея латы; на ногахъ тоже колчужныя чулки и исподнее платье; на головѣ шишакъ съ колчужною сѣткою вокругъ шеи, прикрѣпленною на ремняхъ подъ обѣими руками; на рукахъ такія же кольчужныя перчатки: — это для обороны! Для нападенія же оружіе у нихъ слѣдующее: въ лѣвой рукѣ мечъ о двухъ острыхъ концахъ, какъ два кинжала; одинъ спизу, дру-

гой сверху, а посрединѣ находится разсѣлина, въ которую продѣваютъ руку, такъ что мечъ самъ-собою держится на рукѣ. Притомъ имѣютъ родъ копья, раздвоеннаго вверху, и на поясѣ желѣзный топоръ, и въ такомъ-то вооруженіи сражаются они до-тѣхъ-поръ, пока одинъ изъ нихъ не уступитъ поля сраженія. Разсказывали мнѣ, какъ однажды въ Москвѣ долженъ былъ, по такому спорному дѣлу, сразиться одинъ Литовецъ съ Москвитяниномъ. Литовецъ никакъ не хотѣлъ подобнымъ образомъ вооружаться, а взялъ себѣ одно оборонительное оружіе, да потомъ, украдкою, привязалъ себѣ къ поясу мѣшокъ съ пескомъ; и вотъ, когда оба сошлись, легчайшій сталъ забѣгать, да подскакивать со стороны на сторону, увиваясь такимъ образомъ около Москвитянина, который, по ужасной тяжести и запутанности своего вооруженія, былъ гораздо медленнѣе въ движеніяхъ и на силу могъ поворачиваться. По-этому-этому Литовецъ, улучивъ удобную минуту, напалъ вдругъ на него да и бросилъ ему въ скважины наличника горсть песку, такъ что совершенно ихъ залѣпилъ, а въ тоже самое время и давай топоромъ ломать его оружіе, до того, что Москвитянинъ, не видя уже свѣта Божьяго, сталъ просить пощады,—и Литовецъ остался побѣдителемъ. Но съ-той-поры не дозволено уже иностранцамъ вступать въ такія сраженія съ Москвитянами".

Народъ этотъ, въ обращеніи, чрезвычайно какъ церемоненъ; встрѣтясь на улицѣ, хотя бы шли за дѣломъ, тотчасъ снимаютъ шапки, и въ нѣсколько пріемовъ кланяются другъ другу, строжайше соблюдая, чтобъ отдать поклонъ за поклонъ, да и снова поклониться, дѣлая знакъ головой и рукою, что это для нихъ бездѣлица. Здѣсь разумѣется о равныхъ между собою; потому-что, если кто стоитъ выше другаго, всячески старается не прежде того снять шапку, и прибѣгаетъ тутъ къ хитрости, смышленнѣй даже иного Бискайца!

Имѣютъ еще обыкновеніе при встрѣчѣ, если долгое время не видались, цѣловаться.

Благодарятъ они такимъ образомъ: если одинъ обѣщаетъ что нибудь на словахъ, то другой, снявъ шапку, преннзко ему кланяется, опуская руку книзу; если требуется большей благодарности, въ такомъ случаѣ, достаетъ онъ рукою даже до земли; а еще для большаго подобострастія или, показывая какъ умѣетъ онъ цѣнить обѣщаемую милость, касается земли обѣими руками. Если же, притомъ, одинъ изъ нихъ сановникъ и оказываетъ какую-нибудь милость или покровительство, или тому подобное, другому, который меньше его званіемъ, тогда сей послѣдній становится на колѣни и, обѣими руками касаясь пола, бьетъ еще челомъ о земь. Такимъ же образомъ поступаютъ, когда идутъ и просить какой милости, чтобъ по ходатайству того была оказана; и по этому самому большая часть изъ нихъ имѣютъ мозоли на головѣ; у нихъ уже такъ принято, что чѣмъ сильнѣе бьютъ головою о земь, тѣмъ соблюдается болѣе церемоніи или чинности!

Важнѣйшія дѣла, касающіяся до иноземныхъ государей, какъ-то посольства или объявленія войны, идутъ прямо отъ царя, великаго канцлера и двухъ казначеевъ; а какъ часто такія дѣла поступаютъ тоже отъ посланниковъ изъ отдаленныхъ странъ и на языкѣ весьма различномъ отъ ихъ языка, который очень походитъ на славянскій, то имѣютъ они, по-этому случаю, многихъ у себя переводчиковъ для разныхъ языковъ, посредствомъ которыхъ и изготовляются подобныя дѣла.

Въ бытность мою тамъ, пріѣзжали послы изъ Черкесіи (Circassia) отъ одного государя, отца супруги великаго князя, а также, и послы отъ гросмейстера рыцарей, кажется, родосскаго или іерусалимскаго ордена, который пребываетъ во Франконіи, что въ Германіи. Пріѣзжали они съ довольно значительнымъ числомъ дворянъ и прислуги, привезши съ собою разныхъ подарковъ, ты-

сячи на четыре талеровъ, трактовать, слышалъ, о томъ, какъ бы имъ снова имѣть гросмейстера изъ ордена, что господствовалъ было въ Ливоніи, и именно изъ благороднаго дома Фустемберга Вестфальскаго, который попалъ въ плѣнъ къ московскому царю при взятіи Ливоніи; но упомянутые послы не могли этого получить. Говоря здѣсь о послахъ, не могу промолчать, какъ вообще дурно поступаютъ съ ними въ этомъ краѣ; полнѣйшее варварство! Вопервыхъ, должно знать, что, когда они прибудутъ въ эту землю, нѣсколько дней задерживаютъ ихъ областные правители (governatori), пока не дадутъ о томъ знать двору и не получатъ оттуда разрѣшенія. Потомъ, когда получится отвѣтъ, что можно ихъ представить, придаются имъ для конвоя разные бояре, которые везутъ ихъ туда, не дозволяя, впрочемъ, говорить имъ ни съ кѣмъ, дорогою. По прибытіи въ Москву, отводится имъ особый домъ, куда приставляется стража, дабы никто изъ нихъ, даже послѣдній ихъ служитель, не могъ оттуда выйти, и не дозволяется имъ ничего покупать для ихъ удобства, кромѣ необходимаго для жизни. Къ тому же не только имъ самимъ не дозволяется выходить за покупками, но даже запрещено, чтобы никто и изъ тамошнихъ жителей не смѣлъ къ нимъ приходить на домъ, что нибудь продавать, развѣ только оскорблять ихъ и дѣлать имъ всякія непріятности. И такимъ образомъ должны они, пока не получатъ аудіенціи, оставаться у себя въ заперти съ мѣсяцъ или около того, смотря какъ заблагоразсудится государю. Потомъ же, когда захочетъ онъ дать имъ аудіенцію, предварительно извѣщаютъ ихъ о томъ, за день до пріема; между-тѣмъ государь отдаетъ приказаніе, собраться, въ назначенный и положенный день, всѣмъ своимъ дворянамъ и боярамъ, въ длинныхъ своихъ одеждахъ, на подобіе венгерской, съ серебряными и золотыми пуговицами, изъ разныхъ шелковыхъ матерій и золотой парчи, подбитыхъ раз-

ными, у кого собольими, у кого купьими, горностаевыми, рысьими и другими мѣхами; въ своихъ высокихъ мѣховыхъ, изъ соболя или сѣрой лисицы, шапкахъ, украшенныхъ пуговицами, жемчугомъ и тому подобнымъ, и въ разноцвѣтныхъ сапогахъ, на манеръ турецкій, но подкованныхъ металлическими гвоздиками. И вотъ большая часть этихъ дворянъ и бояръ наполняютъ огромнѣйшую залу, гдѣ всѣ они сидятъ; а подлѣ этой залы находится, еще гораздо обширнѣе той, другая зала, гдѣ возсѣдаетъ самъ государь на весьма высокомъ, о трехъ или четырехъ ступенькахъ, тронѣ, обитомъ золотою парчею. У самого же его на головѣ золотая корона, кругомъ осыпанная драгоцѣнными каменьями, и опущенная, также какъ у бояръ, но самымъ дорогимъ и самымъ черпымъ собольимъ мѣхомъ; одежда на немъ, тоже длинная до самыхъ пятъ, изъ золотой парчи и съ пуговицами, величиною въ небольшое яйцо, но изъ чистаго золота, и осыпанными жемчугомъ и каменьями; сапоги у него, тоже цвѣтные, съ острыми, кверху загнутыми носками до половины ноги, и подбитыми сверхъ того, небольшими серебряными гвоздиками; а въ рукѣ у него серебряная вызолоченная трость, на подобіе епископскаго жезла. И въ этой же самой тронной, только поодаль отъ него, сидятъ вездѣ, кругомъ, болѣе двухъ-сотъ человѣкъ знатнѣйшихъ бояръ одѣтыхъ какъ нельзя богаче. Когда все такимъ образомъ приготовится, нѣсколько назначенныхъ государемъ придворныхъ отправляются изъ дворца, въ богатыхъ одеждахъ, верхомъ на прекрасныхъ коняхъ, въ парадныхъ разноцвѣтныхъ збруяхъ; прибывъ въ посольскій домъ берутъ пословъ съ собою и везутъ ихъ, тоже верхомъ, но на самыхъ скверныхъ и убранныхъ въ самую дурную збрую лошаденкахъ, во дворецъ; тутъ шаговъ за тридцать или за сорокъ отъ дворца, заставляютъ ихъ, изъ чванства, слѣзать съ своихъ клячъ и итти пѣшкомъ. И такимъ образомъ вводятъ ихъ, по

одиначкѣ, одного за другимъ, *предъ свѣтлыя очи государя*, къ которому приближаются они, дѣлая предъ нимъ поклоны; государь простираетъ имъ руку для цѣлованія, потомъ приказываетъ переводчикамъ спросить у нихъ отъ какого государя присланы. Они отвѣчаютъ, и удовлетворивъ на вопросъ, подносятъ привезенные съ собою подарки, которые принимая, онъ благодаритъ ихъ, и тогда обращается съ вопросомъ о здравіи ихъ государя; наконецъ приглашаетъ ихъ, того же утра, откушать съ нимъ, слѣдующими словами: «Я дѣлаю вамъ милость приглашеніемъ откушать нынѣ хлѣба-соли со мною!» И тогда вышеупомянутые придворные тотчасъ же уводятъ ихъ въ особую залу, въ томъ же дворцѣ. Всему, что здѣсь сказано, я былъ самъ очевидцемъ за полчаса до аудіенціи, дарованной упомянутымъ посламъ. Не будучи самъ лично посломъ, имѣлъ я такую же точно аудіенцію, и такъ же былъ приглашенъ государемъ откушать съ нимъ; а какъ въ принятомъ обычаѣ есть тамъ, чтобы и всѣ пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, желающіе удостоиться аудіенціи, приносили подарки государю, то и я долженъ былъ поднести ему большой серебряный кубокъ съ крышкою, чеканной работы, съ позолотою: безъ такого подарка, быть-можетъ, и не выпустили бы меня изъ этого края.... Кромѣ того привезъ я еще государю рекомендательныя письма отъ англійской королевы, съ которою онъ находится въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ. Но обратимся къ прежнему. Тотчасъ по отправленіи пословъ, государь собрался къ обѣднѣ, и, прошедши обѣ залы и другіе покои, сошелъ съ дворцоваго крыльца, а слѣдомъ за нимъ — болѣе осьми-сотъ человѣкъ свиты богато-одѣтой, какъ сказано выше, и отправился онъ пѣшкомъ, выступая тихо и важно, и опираясь на вышеупомянутую трость, въ ближайшую церковь; а шелъ онъ посреди четырехъ молодыхъ людей, имѣвшихъ отъ-роду лѣтъ по тридцати; по сильныхъ и рослыхъ, — это были сыновья

знатнѣйшихъ бояръ; двое изъ нихъ шли впереди его, а двое другихъ позади, но въ нѣкоторомъ отдаленіи и на равномъ разстояніи отъ него; а одѣты были всѣ-четверо одинаково: на головахъ у нихъ были высокія шапки изъ бѣлаго бархата, съ жемчугомъ и серебромъ, подбитыя и опушенныя, вокругъ, большимъ рысьимъ мѣхомъ. Одежда на нихъ была изъ серебряной ткани, съ большими, серебряными же пуговицами до самыхъ ногъ; подбита же была она горностаями; на ногахъ сапоги бѣлые съ подковками; на плечѣ несли они красивый, большой топоръ изъ серебра и золота.

Между-тѣмъ свита за государемъ увеличивалась, потому-что многихъ, кого встрѣчалъ, особенно изъ военныхъ, тоже приглашалъ откушать съ нимъ, того утра, хлѣба-соли. И такимъ образомъ прибывъ на мѣсто, вошелъ онъ въ церковь со всѣмъ своимъ народомъ, и простоялъ тамъ, на ногахъ, цѣлый часъ за обѣднею; потомъ возвратился тѣмъ же порядкомъ во дворецъ и, удалясь на нѣкоторое время, вышелъ наконецъ переодѣтый, совершенно въ другомъ костюмѣ, также богатомъ, но безъ коропы, а только въ шапкѣ на головѣ. Вошелъ въ большую залу, гдѣ кругомъ поставлены были столы, накрытые скатертями кое-какъ и въ безпорядкѣ, потому-что столы эти, одинъ былъ высокій, другой низкій, тотъ узкій, тотъ широкій, и самыя скатерти тоже по нимъ. Въ залѣ находилась натопленная печь, по требованію времени года: это было въ Ноябрѣ мѣсяцѣ; а почти по самой срединѣ залы стоялъ буфетъ, со множествомъ разной посуды, какъ то: большихъ серебряныхъ вызолоченныхъ и безъ позолоты чашъ и чашечекъ, большихъ тазовъ весьма странnаго вида, большихъ и тяжелыхъ кубковъ для питья, изъ которыхъ одни были плоскодонные и глубокіе, другіе на ножкахъ, а между ними множество и такихъ чашъ, какія у насъ въ употребленіи, работы нѣмецкой; замѣчательнѣе всего были тамъ

два большіе серебряные боченка, съ позолоченными обручами; они стояли по срединѣ буфета. Вокругъ же самой залы стояли низенькія скамейки со столиками, на подобіе тѣхъ, какія вообще находятся по трактирамъ въ Италіи.

Окинувъ глазами всю эту залу, государь пошелъ и сѣлъ въ концѣ одного стола, на особомъ креслѣ; потомъ велѣлъ позвать пословъ, а подлѣ него сталъ его переводчикъ, который называлъ ему поименно входившихъ. Тогда государь, называя каждаго по имени, указывалъ имъ мѣсто, гдѣ угодно ему было, чтобы садились; такимъ образомъ сажалъ онъ одного за другимъ, упомянутыхъ пословъ, вмѣстѣ съ ихъ служителями за одинъ столъ, который находился по правую руку отъ него; потомъ приказалъ позвать и меня, потому-что на этотъ разъ не было тамъ другихъ иностранцевъ, и назвавъ меня, такъ же какъ и прочихъ, по имени, посадилъ меня за другой столъ, который еще оставался незанятымъ, вмѣстѣ съ моимъ переводчикомъ и двумя служителями, которые были со мною, потому-что таковъ тамъ обычай; потомъ, за тотъ же самый столъ, посадилъ онъ еще около двадцати нѣмецкихъ дворянъ, которые находятся нынѣ въ службѣ у него, бывъ нѣкогда его врагами; всѣ они знатнаго рода и хорошаго имени, взяты были въ плѣнъ во время ливонской войны, и съ-тѣхъ-поръ не могутъ уже выѣхать изъ Московіи; но имъ отпускается хорошее содержаніе, чтобъ могли имѣть у себя и слугъ и лошадей, и такимъ образомъ, живутъ они тамъ службою. Потомъ государь подалъ знакъ боярамъ садиться за столъ — и многомъ были они заняты, съ шумомъ и въ безпорядкѣ, всѣ остальныя мѣста за маленькими столиками да еще на другомъ концѣ того стола, за которымъ дотолѣ сидѣлъ самъ государь одинъ. А какъ въ это время года день тамъ не болѣе шести часовъ, и тутъ уже была у насъ совершенная ночь, то на столы поданы были сальныя свѣчи въ дурно вычищенныхъ мѣдныхъ подсвѣчни-

кахъ. Притомъ нигдѣ на столахъ не было ни одной солонки съ солью, но она тутъ же подовалась самому государю вмѣстѣ съ довольно хорошимъ, бѣлымъ хлѣбомъ, нарѣзаннымъ ломтями, который и удѣлялъ самъ государь, подавая его своимъ приближеннымъ для передачи всѣмъ прочимъ. Тутъ происходила немалая суматоха, потому-что по тамошнему обычаю, когда государь велитъ что-нибудь кому подавать, всѣ тотчасъ встаютъ, и эта церемонія,—безпрестанно вставать и снова усаживаться, — продолжалась минутъ, по-крайней-мѣрѣ, восемь, и во все это время никто не смѣлъ начинать ѣсть. Когда же кончилось это, всѣмъ намъ, иностранцамъ, данъ былъ большой и широкій кубокъ съ виномъ отъ государя: по-этому снова надобно было вставать. Потомъ, вошло человѣкъ двадцать прислуги; они несли огромныя блюда съ разными жаркими, какъ то: гусями, бараниной, говядиной и другими грубыми мясами; но, подошедши къ государеву столу, всѣ они снова поворотили назадъ и скрылись со всѣми этими блюдами, не подавая никому; вскорѣ же потомъ они снова явились, и уже въ большемъ числѣ, и несли, какъ прежнія такъ и другія мясныя кушанья, но уже нарѣзанныя кусками на блюдахъ; когда такимъ образомъ принесли и обнесли кругомъ, по всѣмъ столамъ, тутъ только начали мы, наконецъ, ѣсть. Между тѣмъ прочіе слуги безпрестанно суетились, ставя на столахъ большіе и малые кубки съ медомъ и другими напитками; по временамъ снова подавалось какое-нибудь мелкое блюдо; но безъ соблюденія малѣйшаго порядка, которому блюду слѣдовать прежде, второму или третьему. Между-тѣмъ, постоянно передъ государемъ стоялъ его кравчій, съ золотою чашей въ рукѣ, то съ виномъ, то съ другимъ питьемъ, и держалъ онъ эту чашу довольно высоко, ожидая когда государю угодно будетъ напиться, и тогда,— что случалось весьма часто, — Государь подавалъ ему знакъ подносить; и всякій разъ какъ подавалось ему

питье, чтобъ не оставаться въ долгу, пилъ онъ обыкновенно за здоровье кого-нибудь изъ сидящихъ за столомъ, о чемъ тотчасъ же давалъ тому знать одинъ изъ приближенныхъ государевыхъ дворянъ, и тотъ немедленно вставалъ со скамьи, а въ-слѣдъ за нимъ и всѣ прочіе, и поклонившись опять мы садились; а эта церемонія такъ часто происходила, что отъ этихъ движеній у меня, вмѣсто того, чтобъ досыта наѣсться, часъ отъ часу все еще усиливался аппетитъ. Государь, всякій разъ, когда бралъ кубокъ изъ рукъ у кравчаго, прежде чѣмъ начиналъ пить, три раза крестился. Такимъ образомъ, болѣе трехъ битыхъ часовъ сидѣли мы за столомъ, гдѣ мало пили, зато какъ не льзя больше происходило шуму за питьемъ; и вотъ уже не мало было изъ этихъ бояръ, что̀ до пьяна напились. Когда же пришли слуги для снимація кушаньевъ и скатертей со столовъ, тутъ опять, съ немалымъ шумомъ и суматохой, всѣ поднялись, вставая изъ-за стола. Государь все еще оставался на своемъ мѣстѣ, и подозвалъ къ себѣословъ, которымъ подавалъ, каждому своеручно, кубокъ вина; но они, будучи заранѣ предувѣдомлены о правахъ и обычаѣ страны, принимали изъ рукъ его кубокъ, держали свои шапки въ рукѣ и, обернувшись спиной къ государю, отходили отъ него шаговъ за нѣсколько, гдѣ, вдругъ остановясь, снова оборачивались къ нему лицемъ и преуниженно кланялись ему по-турецки; потомъ выпивали все до дна, либо отвѣдывали только, какъ кому было угодно; потомъ отдавали кубокъ присутствующимъ, и не говоря ни слова, уходили. Когда эти послы были такимъ образомъ отпущены, государь подозвалъ и меня, и такъ же, какъ и тѣмъ посламъ, подалъ мнѣ своеручно кубокъ вина, и я, будучи тоже предувѣдомленъ, какъ должно въ такомъ случаѣ поступить, придержался того же самаго порядка, какъ, видѣлъ, дѣлали и послы. Но тотчасъ же, послѣ этого, какъ посламъ такъ и мнѣ, хмѣль сильно разобралъ голову, такъ-что, поза-

бывъ все приличіе и скромность, бросились мы всѣ, скорѣе въ двери; съ такою поспѣшностію, не выбѣгали быть-можетъ, изъ храма Божьяго, даже книжники и Фарисеи, съ какою мы выбѣжали оттуда. Тутъ съ трудомъ должны мы были проходить чрезъ покои, по причинѣ толпы хмѣльныхъ, тѣснившихся въ безпорядкѣ и въ потьмахъ, пока наконецъ добрались до дворцоваго крыльца, отъ котораго въ шагахъ сще двадцати или болѣе, ожидали насъ съ лошадьми слуги, тамъ же обѣдавшіе съ нами; но когда мы спустились съ крыльца, чтобъ добраться до нашихъ лошадей и уже ѣхать домой, мы должны были брести по грязи, которая была по колѣно, а ночь претемная, нигдѣ ни огонька, такъ что довольно мы понамучились, пока могли сѣсть на коней; а все это одно чванство со стороны Москвитянъ: они не хотятъ, чтобъ кто-нибудь смѣлъ у дворца ѣхать верхомъ или слѣзать съ лошади.

Послы были отведены стражею въ свои покои, подъ арестъ, а я отправился къ себѣ. Я не хотѣлъ нарочно умолчать о томъ, что съ нами происходило, чтобъ можно было судить, по этому, объ ихъ варварскомъ обхожденіи съ иностранцами.

Сверхъ того, нашелъ я въ этомъ краѣ людей чрезвычайно корыстолюбивыми и безсовѣстными. Корыстолюбіе же ихъ простирается до той степени, что если не подарить имъ чего-нибудь, нельзя ничего отъ нихъ получить, ни совершить никакой съ ними сдѣлки. Вельможи, какъ и частные люди, не постыдятся нагло потребовать, чуть что увидятъ, перстни, или другія вещицы, даже деньги, словомъ все, что бы то ни было. У самого канцлера принято за правило, что если кто придетъ къ нему и объявитъ, что желалъ бы поцѣловать государеву руку, за какое-нибудь дѣло, (потому-что прежде всегда надо обратиться къ канцлеру) первое его слово: «А принесъ ли что-нибудь, чтобъ удостоиться взглянуть на ясные очи государя?» Это зна-

читъ, что должно его задарить; и эта алчность къ подаркамъ такъ заразила частныхъ людей, что за ними водится множество дурнаго, — хотя за это и достается имъ отъ государя, который не рѣдко велитъ за это сѣчь, растянувъ на землѣ, даже знатнѣйшихъ изъ своихъ бояръ. Такимъ образомъ нѣтъ почти ни одного тамъ изъ чиновниковъ, который хоть разъ на роду своемъ не былъ высѣченъ; но они не гоняются за честью, и больше чувствуютъ побои, чѣмъ знаютъ, что̀ такое стыдъ. Впрочемъ, не смотря на такое зло, могу сказать, что по всему этому краю пребезопасно разъѣзжать съ товарами и деньгами, и что никогда не случается, чтобы нападали на кого на улицѣ или обижали явно; хоть это происходитъ, какъ кажется, бо̀льше отъ боязни и страха, внушаемаго имъ государемъ. Еще скажу про нихъ, что они не охотники посѣщать чужіе край, какъ будто не могутъ разстаться съ своимъ гнѣздомъ; да хотя бы и захотѣлось кому нибудь изъ нихъ, государь не дозволяетъ имъ отлучаться за границу: и въ этомъ одномъ они поступаютъ, по мнѣ, преблагоразумно, что слушаются его, если не по доброй волѣ, по-крайней-мѣрѣ со страха. А то очевидно они очень наклонны ко злу. Даже всѣ вообще большіе плуты, чуть только могутъ какъ-нибудь скрытно сплутовать; и по-этому чрезвычайно какъ надо остерегаться, въ своихъ сдѣлкахъ съ ними. Кто ведетъ съ ними торговыя дѣла, долженъ быть всегда остороженъ и весьма бдителенъ, въ особенности же не довѣрять имъ слѣпо; потому-что на словахъ они довольно хороши, зато на дѣлѣ предурные, и какъ нельзя ловче умѣютъ, добродушной личиною и самыми вкрадчивыми словами, прикрывать свои лукавѣйшія намѣренія. Притомъ, они большіе мастера на обманъ и поддѣлку товаровъ, и съ особеннымъ искусствомъ умѣютъ подкрашивать соболей, чтобъ продавать за самые лучшіе, или покажутъ вамъ одну вещь на продажу, а станете съ ними торговаться о цѣнѣ, они

тутъ будто и уйдутъ и слышать не хотятъ объ уступкѣ за предложенную имъ цѣну; а между-тѣмъ и не замѣтите, какъ уже обмѣняютъ вещь и возвращаются къ вамъ, уступая ее.

Они искусно выдѣлываютъ разныя кожаныя вещи, напримѣръ: сѣдла, тулупы и тому подобное, въ сшиваніи и украшиваніи которыхъ не уступаютъ самимъ Туркамъ. Въ прошломъ году, ввели они у себя печатаніе, которое вывезли изъ Константинополя[13], и я самъ видѣлъ съ какою ловкостью уже печатались книги въ Москвѣ. Буквы ихъ большею частью заимствованы изъ греческаго алфавита. Затѣяли они также ввести дѣланіе бумаги и даже дѣлаютъ, но все еще не могутъ ее употреблять, потому-что не довели этого искусства до совершенства. Такимъ образомъ мало-по-малу они замѣтно подвигаются впередъ; тѣмъ болѣе, что уже льютъ у себя и пушки и колокола, и сами дѣлаютъ пищали и другія разныя вещи на подобіе тѣхъ, какія захватили у плѣнныхъ, лѣтъ за тридцать назадъ.

Государь этой страны считаетъ себя величайшимъ государемъ въ мірѣ, именуя себя повелителемъ всея Руси, да притомъ царемъ казанскимъ и еще астраханскимъ, хотя въ письмахъ, привезенныхъ мною къ нему отъ королевы англійской, титулуютъ его только повелителемъ всея Руси и великимъ княземъ московскимъ. Въ гербѣ своемъ употребляетъ онъ чернаго двуглаваго орла, съ коронами, въ зеленомъ полѣ. Въ этомъ краѣ нѣтъ ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни свинца, ни олова; но лѣтъ тому двѣнадцать, какъ Англичане, открывъ плаваніе позади Норвегіи, навезли Москвитянамъ множество вещей, которыхъ имъ не доставало, и весьма для нихъ полезныхъ. Слышалъ я, однакожъ, стороною, будто бы этотъ государь имѣетъ право чеканить или участвовать въ чеканеніи золотой монеты[14]. Почему все золото, какое туда привозится купцами, поступаетъ тотчасъ къ нему,

затѣмъ, что онъ у всякаго это скупаетъ и платитъ хорошо; потомъ кладетъ его въ сундукъ, и уже никто больше, того не видитъ. Серебряной монеты у него довольно, а потому, что изъ Австріи и Польши, когда нѣтъ войны, привозится чрезвычайное множество талеровъ, монетою, для покупки у нихъ товаровъ, состоящихъ изъ всякаго рода мѣховъ, воску, льну, пеньки, сала, кожъ и кожаныхъ издѣлій, и другихъ тамошнихъ произведеній. Эти же талеры, тотчасъ потомъ, чтобъ уже никогда не могли быть оттуда вывезены обратно за границу, расплавливаются и перечеканиваются на ихъ монету, которой идетъ больше пятидесяти штукъ на одинъ скудій; а походитъ она на турецкія аспры и называется: *деньга* (dening). Чеканятъ ее только на двухъ площадяхъ а не въ другомъ гдѣ-нибудь мѣстѣ, именно же: въ Москвѣ, гдѣ изображается на этой монетѣ всадникъ, на конѣ съ мечемъ въ рукѣ; да въ Новѣгородѣ, съ изображеніемъ на ней Святаго Георгія. Ходитъ же эта монета, какъ испанскіе реалы. Такимъ образомъ все золото и серебро, которое чуть только завезено въ этотъ край, никогда уже болѣе не только не выходитъ оттуда, но, такъ сказать, все почти остается въ рукахъ у самого государя, и никуда не расходится, развѣ обстоятельства принудятъ его къ тому, какъ напримѣръ: безпрерывное веденіе большихъ войнъ, которыя, разумѣется, не могутъ обходиться безъ значительныхъ издержекъ. Впрочемъ, Московія, и въ этомъ отношеніи, чрезвычайно какъ отличается отъ всѣхъ прочихъ земель. Весь ея народъ, какъ уже я сказывалъ, употребляется въ государеву службу на время войны; даже, смотря по ихъ происхожденію и образу воспитанія, они считаются обязанными къ тому и полагаютъ еще за счастіе, когда государь употребляетъ ихъ на службу; почему стоитъ ему только повелѣть, и тотчасъ явятся тысячи охотниковъ исполнить его волю, которыхъ, когда идутъ на войну, онъ созываетъ во дворецъ, и тамъ

раздается всѣмъ имъ казенная одежда: каждый изъ нихъ получаетъ по два кафтана изъ разноцвѣтнаго сукна, на мѣху и безъ мѣха, которые только и принадлежатъ имъ, пока у нихъ на плечахъ [83]. Сукна эти привозятся туда изъ-за границы для обмѣна на тамошніе товары, составляющіе туземный доходъ и привозимые въ эту землю со всѣхъ сторонъ, какъ подать.

Что же касается до съѣстныхъ припасовъ, край этотъ изобилуетъ всякимъ зерномъ, рожью и всякими мясами, мелкою дичью, которой тамъ множество, какъ-то: фазановъ и куропатокъ, и на все это чрезвычайная тамъ дешевизна. Въ разныхъ мѣстахъ этого края, гдѣ находится побольше сѣнокосовъ, государь заставляетъ содержать большіе конскіе заводы, потому что всѣ войны свои ведутъ конно, и большая часть войска держитъ своихъ лошадей; впрочемъ, если случайно у кого-нибудь нѣтъ своего коня, то государь пополняетъ этотъ недостатокъ; и такимъ образомъ ведетъ онъ и большую войну безъ большихъ издержекъ; къ этому же и то еще содѣйствуетъ, что войска у него не наемныя; если же и есть такія, такъ платится самая малость, да и такихъ весьма не много. Зато въ обычаѣ у нихъ, что когда возвращаются побѣдителями, полководцамъ жалуются отъ самого государя парчевые кафтаны или тому подобное, а всѣмъ прочимъ за то, что вели себя исправно, объявляется его благоволеніе, и тѣмъ они остаются чрезвычайно какъ довольны, и снова готовы положить голову за него.

Когда выѣзжаетъ государь на прогулку по городу, то весьма часто видите его одѣтымъ просто, въ какомъ-нибудь цвѣтномъ кафтанѣ безъ золота; и беретъ онъ съ собою лишь нѣсколько слугъ пѣшихъ, безъ конной свиты; а какъ по всѣмъ улицамъ бываетъ тамъ множество народа, то иногда, находясь въ толпѣ, возитъ онъ съ собою у луки сѣдла небольшой барабанъ, въ родѣ того, какой имѣютъ у себя на лошади Мавры; и какъ

ударитъ онъ по немъ рукояткой плети, какую обыкновенно имѣютъ всѣ ѣздоки, народъ тотчасъ же раздается въ разныя стороны; впрочемъ такой инструментъ случалось мнѣ видѣть и у сыновей его, да и у другихъ знатнѣйшихъ бояръ.

Въ самомъ городѣ Москвѣ, по такому многолюдству, какое тамъ, почти всѣ разъѣзжаютъ верхомъ, пока нѣтъ снѣга и льда; но когда наступитъ Октябрь мѣсяцъ, тутъ уже начинаются сильные холода, хотя и въ Сентябрѣ видывалъ я тамъ и снѣгъ и ледъ. Всѣ рѣки тогда, какъ ни были бъ велики, тотчасъ замерзаютъ и всѣ дороги и поля покрываются глубокимъ снѣгомъ и льдомъ, такъ-что въ это время, уже не иначе ѣздятъ, какъ въ саняхъ (scilede), дѣлающихся на полозьяхъ и со скамьями; и такимъ образомъ повсюду въ нихъ разъѣзжаешь, а тащитъ ихъ одна лошадь. Въ этихъ саняхъ разъѣзжаютъ зимою и самыя почты, дѣлая величайшіе концы съ неимовѣрною скоростію. Рѣки и дороги, покрытыя льдомъ, и всѣ поля, деревья, дома и все прочее, бѣлѣя подъ снѣгомъ, остается въ такомъ видѣ, обыкновенно до половины Апрѣля; такая же повсемѣстная бѣлизна бываетъ иногда весьма вредна для глазъ того, кто не привыкъ къ ней. Въ иные года, какъ и вездѣ это случается, холода бываютъ и сильнѣе и слабѣе; но въ этотъ годъ, который я провелъ тамъ, сказываютъ, были самые большіе морозы, какихъ не запомнятъ за пятьдесятъ лѣтъ. Впрочемъ, я этому повѣрю, потому-что самъ былъ очевидцемъ одного почти невѣроятнаго случая, превосходящаго всякое человѣческое понятіе: а хотя и въ этихъ низменныхъ странахъ, какъ напримѣръ, во Фландріи и Германіи, и многихъ другихъ мѣстахъ, какъ извѣстно вамъ самимъ, бывали отъ необыкновенныхъ холодовъ, такіе случаи, какихъ подобныхъ не запомнитъ никто, могу, однако жъ, тѣмъ болѣе тому повѣрить, что въ этой землѣ случаи такіе бываютъ во многихъ мѣстахъ не въ диковинку.

Почти всю эту зиму провелъ я въ дорогѣ и пріѣхалъ въ Нарву, по утру, въ самый день Рождества; а какъ надо-было подумать о прожитіи въ этихъ странахъ и взять по-этому съ собою въ дорогу, дней на шесть на восемь, всякой провизіи съѣстной и питейной, то и уклали мы позади нашихъ саней хлѣбъ и жаркія, и изъ питья: пиво и медъ, въ большихъ деревянныхъ бутыляхъ; но какъ необходимо въ этой землѣ имѣть еще съ собою и бутыли съ водою для питья и умыванія рукъ и лица, безъ чего не было бы возможности существовать, то и этимъ также я запасся, а моему примѣру послѣдовали и прочіе. Тутъ, когда мы отправились въ путь, дорогою нашелъ я множество труповъ замерзшихъ людей, а также воловъ и лошадей; другіе же были при послѣднемъ дыханіи, и такъ уже окочепѣли, что насилу ножами могли мы раскрыть имъ ротъ, послѣ чего стали имъ вливать туда упомянутую водку и оттирать ею все тѣло; и чтоже? Только такимъ образомъ успѣли мы, наконецъ, привести ихъ въ чувство, а быть-можетъ и воскресить на всю жизнь. А то, вѣдь, неоднократными опытами въ этихъ странахъ доказано, что начни мы отогрѣвать ихъ передъ огнемъ, они бы непремѣнно умерли. Видѣлъ я также, какъ у ѣдущихъ лошадей трескались, отъ мороза, кожа и мясо, какъ будто бы рѣзали ихъ ножемъ; слышалъ даже, какъ деревья въ лѣсахъ хрустѣли и трескались, а равнымъ образомъ и бревна по домамъ, потому-что, хотя имѣютъ они въ избахъ у себя окна стеклянныя, либо дѣлаемыя изъ стекловидной прозрачной *слюды*, которая вся состоитъ изъ пластинокъ весьма легко отдѣляющихся одна отъ другой, тоньше самой бумаги, и которая находится только въ Московіи; совсѣмъ тѣмъ, однако жъ, въ избахъ, которыя весьма теплы, внѣшній холодъ такъ сильно дѣйствуетъ на этотъ тепльій воздухъ, что сей послѣдній превращается, на тѣхъ стеклахъ, просто въ воду, потомъ леденѣетъ и, накопляясь такимъ образомъ,

до того все болѣе и болѣе намерзаетъ, что за этимъ толстымъ льдомъ нельзя почти и свѣта Божьяго видѣть. Да и множество подобнаго могъ бы вамъ насказать, что, вѣроятно, почли бы у насъ за небылицы. Наконецъ, когда, дующій прямо отъ сѣвера, вѣтеръ начнетъ стрѣлять въ лицо, то кажется, будто сыплетъ горстью битаго стекла, отчего и рѣжетъ онъ лицо, сушитъ тѣло, и лишаетъ членовъ, такъ-что представить себѣ того невозможно!

Слышалъ я отъ нѣкоторыхъ, будто море у Нарвы не замерзаетъ, но что, изъ впадающихъ въ него рѣкъ, наносятся огромныя льдины, которыя соединяются и отъ этого кажется, будто море оледенѣло. Впрочемъ, по мнѣ, это сущая ложь и неправда, потому-что сами рѣки, въ это время, очень плотно и крѣпко скованы льдомъ, который бываетъ толщиною въ ростъ человѣка, да и притомъ, каждую ночь, болѣе еще крѣпчаетъ, такъ-что, когда встрѣтится надобность, насилу могутъ его расколоть желѣзными ломами, и по этимъ рѣкамъ разъѣзжаютъ въ саняхъ и верхомъ на лошадяхъ, совершенно какъ по землѣ. Слѣдственно, ледъ не можетъ наноситься изъ этихъ рѣкъ, и береговое море само по себѣ замерзаетъ и даже такъ крѣпко, что на нѣсколько миль разъѣзжаютъ и по немъ на лошадяхъ и въ саняхъ, какъ и я самъ совершилъ нѣсколько разъ такую поѣздку изъ Нарвы въ Ревель по чистому льду; а въ эту зиму многіе перебирались даже за море, то есть, изъ Ливоніи въ Швецію; но только не на лошадяхъ.

Теперь разскажу, какъ обѣщался, о диковинкахъ, которыя хотя до меня и не касаются, дошли однако жъ до моего свѣдѣнія по реляціямъ туземцевъ и очевидцевъ.

Но сперва скажу вамъ нѣсколько словъ о мореходствѣ Англичанъ, которые приплываютъ въ Московію [16]. Плаваніе ихъ туда открыто лѣтъ тому четырнадцать

назадъ; въ первые годы приходило туда только отъ осьми до девяти англійскихъ судовъ съ людьми и товарами; но теперь совершаютъ они этотъ путь легко и безопасно, огибая Норвегію по близости береговъ, и опытъ научилъ ихъ улучать время, когда господствуютъ попутные имъ вѣтры, пока не наступятъ холода, которые тамъ еще несравненно сильнѣе, и покрываютъ то море льдомъ, прежде чѣмъ нарвскіе берега, потому-что та страна ближе къ сѣверу. Такимъ образомъ, прошедши Виллаплантъ (Villaplant), идутъ они въ землю поддапную Руси, которая именуется *Холмогоріею* (Colmogora), гдѣ впадаетъ въ море рѣка Двина (Dividna), и тамъ они разгружаютъ свои корабли, и на другихъ уже меньшихъ судахъ идутъ по вѣтру, противъ теченія той рѣки, до большаго города именуемаго *Вологдой* (Vologda), куда тысяча миль пути; и оттуда уже ѣдутъ въ Москву на саняхъ, за семь-сотъ миль. Чрезъ Вологду протекаетъ рѣка того же имени, то есть, Вологда, отъ которой и городъ получилъ свое названіе; но, въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда, впадаетъ эта рѣка въ другую, именуемую *Сухоной*, (Zucama) которая спачала течетъ къ сѣверу, потомъ поворачиваетъ къ востоку и югу; а наконецъ, снова направивъ свое теченіе къ востоку, сливается тамъ съ одной большой рѣкою, именуемой *Юг* (Iug), и тогда обѣ теряютъ свои названія и получаютъ новое, именуясь, какъ выше сказалъ, *Двиною*, что по-русски значитъ *двойня* (dua); притомъ она обогащается еще водою разныхъ другихъ большихъ рѣкъ, которыя туда же впадаютъ. Вся эта страна, омываемая ею, называется Холмогоріею, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка эта впадаетъ въ море, ловится премножество чудовищной рыбы, какъ-то: китовъ и волковъ морскихъ (lupi marini), которыхъ зубы чрезвычайно велики, и изъ нихъ дѣлаются ножи; а также водится тамъ множество бѣлыхъ медвѣдей, которые лѣтомъ всегда стоятъ въ водѣ, по болотамъ и озерамъ, которыя вообще тамъ

пресбширнѣйшія. Еще тамъ водится небольшой звѣрекъ, величиною съ порядочнаго крота и того же вида, по только шерсть на немъ подлиннѣе и хвостъ, какъ у угря; а живетъ онъ и въ водѣ и на сушѣ, на деревьяхъ; издаетъ онъ отъ себя прекрасный запахъ, такъ что туземцы держатъ его шкурку между своими мѣхами, чтобъ пахли хорошо. Въ вологодской землѣ, водятся въ особенности чернобурыя лисицы, (volpi negre) которыя весьма дорого цѣнятся въ мѣхахъ, такъ-что платятъ по тридцати и сорока червонцевъ за одинъ такой мѣхъ; а въ такой цѣнности онѣ еще и потому, что соболи, преимущественно, употребляются на шапки, которыя тамъ носятъ. Всѣхъ этихъ животныхъ насмотрѣлся я вдоволь, и живыхъ и мертвыхъ. Много премного сутокъ надо плыть этой рѣкой, Двиною, чтобы доплыть до того мѣста, гдѣ находятся знаменитыя *Рифейскія горы*, для открытія которыхъ, сказывалъ мнѣ одинъ Русскій, были посыланы отцемъ нынѣшняго повелителя Руси, отецъ этого Русскаго и многіе другіе; и сказывалъ онъ мнѣ, какимъ образомъ взошли они на самое высокое мѣсто этихъ горъ, и какъ, запасшись въ этотъ путь всѣмъ необходимымъ, взбирались пѣшкомъ семнадцать дней на поверхность хребта. Горы эти, какъ сказываютъ, утесисты и безплодны, и водятся на нихъ только бѣлые соколы, чрезвычайно отважные и сильные. Я видѣлъ ихъ въ Москвѣ у государя, который чрезвычайно ихъ уважаетъ за храбрость. За этими же горами находится царство Сибирскихъ Татаръ; народъ этотъ покоренъ Московіею и находится у нея въ подданничествѣ, — поклоняется истукану какой-то старухи, которую зовутъ: *Златою бабою* (Slata-Baba)[17]; нѣтъ у нихъ домовъ или постоянныхъ жилищъ, но всегда разъѣзжаютъ кругомъ въ саняхъ, по снѣгамъ и лѣсамъ, промышляя звѣриною ловлею. Но преимущественно вывозятся оттуда богатѣйшіе соболи, и когда наступитъ пора собственно для ловли этихъ звѣрковъ,

что бываетъ весной, когда природа одѣваетъ ихъ самымъ пушистымъ мѣхомъ, звѣроловы, отправляясь на охоту, дѣлаютъ сначала обѣщанія своей богинѣ, что первый мѣхъ со звѣря, котораго убьютъ, привезутъ ей въ благодарность, лишь бы только поблагопріятствовала имъ на ловлѣ, и уже свято соблюдаютъ свои обѣты; такимъ образомъ столько тамъ всякихъ мѣховъ на нее навьючиваютъ, что даже эти мѣха, просто, загниваются. Отправясь же на ловлю, пробываютъ тамъ столько времени, сколько именно продолжится у нихъ мясная порція изъ животныхъ, которыхъ ежедневно налавливаютъ, и тѣмъ они живутъ. Я разговаривалъ и даже ѣлъ съ двумя такими звѣроловами, которые были при дворѣ, по случаю привоза своей обычной дани государю. Дань эта, вся состояла въ разномъ пушномъ товарѣ, въ большомъ количествѣ. Сами же они были одѣты въ камзолахъ и исподнемъ платьѣ, но сшитыхъ изъ оленьихъ шкуръ съ шерстью, и съ длинными глухими рукавами, впрочемъ съ прорѣхой вшизу для свободнаго просова руки оттуда, когда нужно; на головѣ тоже мѣховыя шапки, и притомъ еще длинный мѣховой тулупъ поверхъ всего. Они были высокаго роста, но безъ краски въ лицѣ и безъ бороды, почему собственно походили болѣе на старухъ; впрочемъ это, сказываютъ, происходитъ вообще отъ постоянныхъ тамъ холодовъ. Въ этомъ царствѣ, протекаетъ всего одна рѣка, но которая, какъ сказываютъ, чрезвычайно широка, такъ-что съ трудомъ можно переѣхать чрезъ нее въ одинъ тамошній день; называется она — *Обь* (Obi), и сказываютъ, что вытекаетъ изъ одного большаго озера—Каттая (Cattajo), [10] въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится и главный каттайскій городъ, именуемый *Конбуликй?* (Conbuliche); по сказанію же тѣхъ двухъ Татаръ, которые мнѣ про это разсказывали, есть, помнится, за этой рѣкой еще какой-то народъ, именуемый *Лукоморами* (Locumori), которые въ Ноябрѣ мѣсяцѣ такіе флегматики,

что вытекаетъ у нихъ въ большомъ количествѣ, какая-то клейкая матерія чрезъ поры, въ особенности носомъ, такъ-что захватываетъ имъ дыханіе, и тогда погружаются они въ глубокій сонъ до Апрѣля мѣсяца! Находя это довольно страннымъ и чуднымъ, я смѣялся тому; но Татары мнѣ клялись, что это сущая правда, и я, однако жъ, не довольствуясь этимъ, распрашивалъ о такой диковинкѣ еще у разныхъ лицъ, которые всѣ мнѣ отвѣчали, что дѣйствительно ходитъ такая молва, и что всѣ, кто ни пріѣдетъ оттуда, подтверждаютъ это. Разсказывали они мнѣ также, хотя и вообще я слышалъ, что за этими Лукоморами находится еще большая рѣка, именуемая *Таханинъ?* (Tachanin), въ которой рѣкѣ находятся, будто бы, рыбы совершенно похожія на человѣка, то есть, имѣютъ всѣ тѣ же члены, только покрытые чешуею, какъ у прочихъ рыбъ. На берегахъ же этой рѣки есть огромные лѣса съ чудовищными народами, у которыхъ голова звѣриная съ глазами во лбу; тамъ находятся также и другія тому подобныя чудовища, о которыхъ, впрочемъ, не имѣютъ болѣе никакаго свѣдѣнія.

Есть еще народъ, близъ Персидскаго Моря (mar di Persia) по Волгѣ — это такъ называемые *Сибирскіе Татары* (Tartari Zibiri); и въ этой землѣ, какъ сказываютъ, протекаетъ рѣка *Тайхъ?* (Taich), а между нею и Волгою, произрастаетъ, будто бы, особаго рода сѣмя, похожее на сѣмена дыни, съ тою разницею только, что оно немного покругльѣе, и производитъ плодъ похожій на ягненка (simile a un agnello). Стебель у него выходитъ чрезъ пупокъ и возвышается на три пяди; ноги мохнатые; роговъ нѣтъ; передняя часть, какъ у раковъ, которыхъ ѣдятъ, а задняя мясо; живутъ они, пока имѣютъ вокругъ себя пищу; а называютъ ихъ *баранцами* (Baranez), что значитъ: *ягнята*. И я видѣлъ шапки мѣховыя, которыя, какъ сказывали мнѣ

утвердительно, были изъ шкурокъ этого животнаго [19].

Я не хотѣлъ ничего пропустить въ этомъ письмѣ, что только видѣлъ самъ во время нынѣшняго моего путешествія, и что только могъ извлечь изъ свѣдѣній, собранныхъ мною о дальнѣйшихъ краяхъ; а собиралъ я такія свѣдѣнія со всею точностію, чтобъ какъ-нибудь доискаться истины, и такимъ образомъ передаю теперь все, видѣнное или слышанное мною. Извините, что пишу къ вамъ въ такомъ безпорядкѣ и несвязности: я самъ это вижу и знаю; довольно того, что, повинуясь вашему желанію, представляю вамъ вѣрный и подробный отчетъ; причемъ, со всею готовностію всегда вамъ служить, цѣлую вашу родительскую руку и прошу сохранить меня въ числѣ любимыхъ вашихъ сыновей, умоляя Всевышняго о сохраненіи вашего благоденствія.

Свѣдѣнія о рѣкахъ и городахъ Московіи.

Рѣка *Москва* получаетъ свое начало въ окрестностяхъ Твери, къ литовской сторонѣ, протекаетъ отъ своего истока до Москвы на девяносто верстъ пространства, и здѣсь, подъ Москвою, становится уже судоходною, и течетъ весьма излучистымъ русломъ до города Коломны; въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда впадаетъ она въ *Оку*, которая вливается въ *Волгу*, тамъ, гдѣ находится Нижній-Новгородъ съ каменною крѣпостью, въ пятистахъ верстахъ отъ Москвы [20].

Далѣе верстахъ во стѣ-сорока за Нижнимъ, находится другая рѣка, которая вливается здѣсь въ Волгу, а течетъ съ юга, и называется *Сура* (Szura), при устьѣ которой стоитъ каменная крѣпость, именуемая *Васильевъ-Новгородъ* (Basilonugorod) [21].

Неподалеку отъ этой рѣки находится тутъ еще другая, именуемая также *Москва(?)* которая течетъ съ юга

на востокъ и вливается въ Оку, повыше города *Муромы*. На этомъ пространствѣ земли есть большіе лѣса, обитаемые мордовскими племенами, имѣющими свой языкъ, и которые, частію идолопоклонники, частію же магометане. Народъ дикій и воинственный; сражается пѣшимъ и вооруженъ луками и стрѣлами.

Между Европой и Азіею находится одно пребольшое озеро, имѣющее въ окружности, какъ сказываютъ, полторы тысячи верстъ, и лежитъ близъ города, именуемаго *Тула*, а самое озеро называется: *Иванъ-озеро* (Iwanovosero) [22]. Изъ этого озера, верстахъ въ сорока отъ упомянутаго города Тулы, вытекаетъ рѣка *Донъ* или Танаисъ, (Tanai) а не изъ Рифейскихъ Горъ, какъ многіе доселѣ полагаютъ, и течетъ она посреди большихъ лѣсовъ. Но эта рѣка богаче своею громкою славой, чѣмъ водою, потому-что не вездѣ судоходна, мѣстами чрезвычайно узка, то такъ опять широка, что съ одного берега не видно другаго, и вливается она въ Меотическое Болото (palude meotide) близъ города именуемаго *Азовъ*, или правильнѣе *Азофъ* (Asofh), который ведетъ большую торговлю съ разными народами; отъ города же Донкова (Donco), гдѣ становится она судоходною, до самаго впаденія ея въ *Тану* (Tana), считается четыре-ста верстъ по сухому пути; водою же дѣлается этотъ путь въ двадцать дней, потому-что она довольно излучиста, и къ востоку вьется, верстахъ въ тридцати-пяти близъ Волги, но потомъ поворачиваетъ въ сторону и течетъ, какъ сказано выше.

Находится тамъ еще рѣка, въ Землѣ Сѣверской (paese di severa), именуемая Малымъ Танаисомъ — Донцомъ (piccolo Tanai), и вливающаяся въ Большой Танаисъ, то есть, Донъ. Страну эту называютъ царствомъ, и находится она въ осьми-стахъ верстахъ отъ Москвы.

Поворачивая къ югу, верстахъ въ трехъ стахъ отъ Москвы, находятся болота и топи. Страна эта называется *Миценскъ* (Emscenek); отсюда вытекаетъ рѣка

Ока, по которой пролегаютъ разные большіе города; туземцы, когда напретъ на нихъ сильный непріятель, тотчасъ спасаются въ упомянутыхъ своихъ болотахъ; между прочими городами, есть здѣсь городъ, именуемый Кошира (Cossira), гдѣ находится большая желѣзная рудокопня; а земля вся ровная, не гористая, подвластная русскому государю. Рѣка Ока вливается въ Волгу. Въ одномъ изъ упомянутыхъ городовъ, именуемомъ *Калуга*, русскій государь постоянно содержитъ гарнизонъ изъ Татаръ, на военной ногѣ, и всегда готовый выступить въ походъ.

Отсюда къ югу, повыше Крымскихъ Татаръ (Tartari di Crima), но въ сосѣдствѣ съ ними, находится по одну сторону *Черкессія*, по другую *Валлахія* и *Литва*, у которой взялъ русскій государь большой городъ *Смоленскъ*, лежащій на рѣкѣ *Борисѳенъ*, или же *Днѣпръ* (Dniepr), и бывшій нѣкогда епископствомъ и помѣстіемъ до покоренія его Русью.

Волга, — по-русски, а по-татарски *Эдель* (Edel), — беретъ свое начало въ большомъ литовскомъ лѣсу, весьма болотистомъ, откуда вытекаютъ и многія другія рѣки; а лѣсъ этотъ туземцы называютъ *Волконскимъ*, (Volkonski.) Волга же течетъ сначала на сѣверъ, потомъ поворачиваетъ къ востоку, и вливается въ *Каспійское Море*. Сказываютъ, что въ нее впадаетъ отъ семидесяти до семидесяти двухъ посторонихъ рѣкъ; а вливается она въ море многими рукавами, которыми и образуетъ тамъ острова.

Немного поодаль оттуда, гдѣ вытекаютъ упомянутыя рѣки, есть селеніе, именуемое *Днѣпрскъ* (Dniepersko); близъ этого мѣста получаетъ свое начало рѣка *Борисѳенъ* или *Днѣпръ*. — Нѣсколько подальше находится троицкая монашеская обитель. — Оттуда вытекаетъ еще другая рѣка, называющаяся *Малый Борисѳенъ*, Днѣпрецъ, (piccolo Boristene); но довольно быстро обѣ онѣ сливаются вмѣстѣ и становятся одною судоходною рѣ-

кою, которая наконецъ впадаетъ, повыше *Каффы* (Caffa), въ образуемое ею же большое озеро.

Въ этомъ мѣстѣ *Каффы*, во времена Генуэзцевъ, была взята широкая, вышитая шелками и золотомъ, и украшенная жемчугомъ и разными каменьями епитрахиль, которую Русскіе называютъ *бармами* (Barmo). Эта епитрахиль взята была Владиміромъ Мономахомъ, государемъ Руси, который былъ женатъ на дочери императора Константина, по имени Аннѣ, и онъ еще принялъ Святое Крещеніе. Упомянутую епитрахиль по нынѣ еще надѣваютъ на себя русскіе государи, когда коронуются.

Новгородъ (Nugard) городъ большой, съ красивою каменною крѣпостію; чрезъ него протекаетъ большая рѣка, именуемая *Волховъ* (Volcho); на ней большой каменный мостъ съ домами и лавками, такъ-что, просто, кажется улицею. Народъ, нѣкогда свободный, нынѣ же, самъ чрезъ себя, подпавшій подъ власть русскаго государя, велъ въ-старину довольно отдаленныя отъ дому войны, какъ-то: въ самой Греціи, гдѣ пробылъ семь лѣтъ подъ городомъ, именуемымъ *Корсунь*; а между-тѣмъ крестьяне подѣлались господами и поженились на женахъ своихъ господъ, которые наконецъ взяли упомянутый городъ и унесли оттуда съ собою богатыя бронзовыя ворота, и колоколъ, что и доселѣ можно видѣть въ одной изъ ихъ церквей.

Между Окою и Дономъ есть государево владѣніе, то есть, земля подвластная нынѣ Руси, гдѣ между прочимъ находится городъ и княженіе рязанское. Страна эта плодородна и обильна рогатымъ скотомъ, медомъ, воскомъ и хлѣбомъ, который, какъ сказываютъ, родитъ изъ одного зерна тридцать, а каждый стебель дастъ три колоса; сверхъ-того, водится тамъ множество перепелокъ, которые, по тучности своей, насилу могутъ взлетать; словомъ — страна изобильная всѣмъ!

Близъ Новагорода, верстахъ въ шестидесяти, есть городъ, именуемый *Русса*. Тамъ находятся соляные ключи, изъ которыхъ вываривають довольное количество повареной соли.

Исковъ (Plesco) одинъ изъ лучшихъ городовъ Руси, кругомъ весь укрѣпленный, находится надъ озеромъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка, протекающая срединою города, и именуемая *Исковъ* (Plesco); она впадаетъ въ озеро Пейпусъ (Pebus), неподалеку отъ Дерпта (Dorp), города, лежащаго на томъ озерѣ Пейпусѣ, во ста-пятидесяти верстахъ отъ Нарвы; а означенное озеро имѣетъ длины сто-пятьдесятъ, ширины пятьдесятъ верстъ, и принимаетъ въ себя до шестидесяти рѣкъ.

На Сѣверномъ морѣ, близъ рѣки Двины, находится островъ въ сорока верстахъ отъ города, гдѣ стоитъ большой монастырь; тамъ вываривается довольное количество соли, и ловится премножество разной рыбы, крупной и мелкой, въ ужасномъ изобилiи.

Верстахъ въ семидесяти-пяти отъ Москвы есть двѣ крѣпости на двухъ озерахъ, изъ которыхъ одна называется: *Переславль* (Pereaslawe) а другая *Ростовъ* (Roslow); въ этихъ мѣстахъ добывается довольно соли; а находятся эти крѣпости на сѣверѣ отъ Москвы.

Чрезъ городъ *Вологду* протекаетъ рѣка того же имени, то есть, *Вологда*, впадающая потомъ въ *Сухону* (Zuchana).

Въ Вологдѣ течетъ еще другая рѣка, именуемая Сухона, вытекающая отъ сѣвера и направляющая теченiе свое на юго-востокъ; потомъ поворачиваетъ она къ востоку и, вмѣстѣ съ сопровождающею ее рѣкою *Югомъ?* (Iug), обѣ теряютъ свои названiя, а получаютъ одно общее: *Двины*, что должно по-русски значить: *двойня;*

но названіе это нѣсколько испорчено; и такимъ образомъ эта рѣка Двина, течетъ уже на сѣверъ, увеличиваясь отъ впаденія въ нее еще многихъ другихъ посторонніхъ рѣкъ, и вливается наконецъ въ Ледовитое Море, повыше Норвегіи, гдѣ уже называется она *Холмогорою* (Colmagora), потому-что, въ пяти или шести дняхъ пути внизъ по рѣкѣ, находится городъ этого имени. Оттуда-то съ открытіемъ навигаціи пріѣзжаютъ Англичане; а обилуетъ она, какъ нельзя больше, солью и крупною рыбою, китами и огромнѣйшими морскими волками (Lupi marini), изъ ихъ зубовъ, которые чрезвычайно велики, дѣлаются черенки для ножей, и множество ихъ расходится въ Турціи. Страна, которую рѣка эта протекаетъ, также называется отъ ея имени, *Двиною* (Dividna)? и тамъ находятся бѣлые медвѣди, ростомъ не меньше обыкновенныхъ, но еще гораздо больше, которые пребываютъ всегда то въ морѣ, то въ болотахъ, или подобныхъ тому водахъ; выходятъ же на сушу, только для пріисканія себѣ корма, какъ и прочіе; и я насмотрѣлся ихъ вдоволь.

Въ десяти-тысячахъ верстахъ отъ Москвы, къ сѣверу, находится на одномъ озерѣ островъ, гдѣ добываютъ изъ воды сѣру, но въ маломъ количествѣ, потому болѣе, что не умѣютъ ее добывать.

Во многихъ и многихъ суткахъ пути отъ рѣки Двины, у *Златой Бабы* (Slata Baba), находятся *Рифейскія Горы*, именуемыя *Поясомъ Міра*, и тѣ, которые тамъ бывали, сказываютъ, что взбирались на нихъ пѣшкомъ семнадцать дней; что состоятъ онѣ изъ отвѣсныхъ и нагихъ утесовъ, и что водятся на нихъ бѣлые соколы, именуемые *кречетами* (girifalchi), которые привозятся въ Москву.

Земля Самогитовъ? (paese di Samiti) небольшая; течетъ по ней рѣка изъ Литвы въ Ливонію, шириной въ нѣсколько верстъ, и впадаетъ она въ море, близъ Риги.

Земелька эта подвластна Полякамъ. Родится тамъ довольно карликовъ.

Курляндія — герцогство; приморская ея часть принадлежитъ епископству Острова Эзеля. Тамъ довольно находится колдуновъ, чернокнижниковъ и тому подобныхъ кудесниковъ, которые оборачиваются въ волковъ и пожираютъ людей.

ЗАПИСКА О ВЕЩАХЪ, КОТОРЫЯ НАДОБНО ПОСЛАТЬ ВЪ МОСКВУ.

Дорогихъ каменьевъ и сапфировъ просверленныхъ, круглыхъ и овальныхъ, въ видѣ груши, или граненыхъ, съ двумя жемчужинами, одною сверху, другою снизу, для серегъ.

Круглыхъ или граненыхъ шариковъ, величиною въ гусиное яйцо, изъ вызолоченнаго серебра, осыпанныхъ разными дорогими каменьями или дублетами, для лошадиной збруи; или же, вмѣсто означенныхъ шариковъ, львиныхъ головокъ, которые очень входятъ въ моду, оправныхъ и тому подобныхъ.

Красныхъ шапокъ, дѣлаемыхъ въ Гепуѣ.

Нѣсколько дюжинъ кусковъ рубашечнаго холста, по тридцати или сорока талеровъ за кусокъ; но еще было бы хорошо, послать притомъ и готовыхъ сорочекъ, пары съ четыре, такъ-что, если окажутся малы и нельзя будетъ ихъ носить, можно сбыть ихъ за хорошую цѣну.

Сургуча, для раздачи въ подарокъ.

Буры, для паянія золота.

Фольги подъ рубинъ и сапфиръ, а также подъ алмазы и изумрудъ; но наболѣе сапфировой и рубиновой; яличка, напримѣръ, три или четыре.

Для продажи государю — два коискихъ ожерелья, да чтобъ были поуже у начала головы, шириною же немно-

го больше чѣмъ въ три пальца; какъ можно плотнѣе сплетенныхъ, на ремнѣ и съ пряжкою; а наконечники, чтобъ были осыпаны каменьями и съ финифтью, въ листьяхъ, и съ арматурою; одно — серебряное вызолоченное, другое — просто, серебряное.

Дюжины полторы золотыхъ и серебряныхъ позолоченныхъ пуговицъ, въ видѣ груши или еловой шишки, либо другой красивой формы, съ какими-нибудь каменьями и съ финифтью, небольшой цѣны; но какъ можно, чтобъ были покруднѣе; равно и другихъ такихъ же, но безъ каменьевъ и съ чернью; а также въ арабскомъ вкусѣ, имѣющихъ видъ груши или дыни, или чего-нибудь подобнаго.

Еще пуговицъ коралловыхъ, круглыхъ или тоже въ видѣ груши, либо дыни, съ жемчужиною въ серединѣ; по полуторы дюжины на кафтанъ.

Еще особо жемчугу для пуговицъ; но чтобы жемчугъ, былъ до половины въ оправѣ, да хорошо было бы между жемчугомъ перемѣшать еще и небольшіе рубинчики, бирюзу, и тому подобное, по фантазіи.

Хорошихъ очковъ, въ серебряной оправѣ.

Длина кистей для лошадиной збруи должна быть въ величину цѣлаго этого листа.

Изъ вишъ: хорошихъ, и высокаго сорта, но не сладкихъ.

Четыре моденскихъ круглыхъ щитка, въ разной хорошей оправѣ, и одинъ стальной.

Кожъ для ремней, съ набивнымъ испанскимъ золотомъ, въ разные узоры.

Пару самыхъ низенькихъ шпалерниковъ для шпалерныхъ печей.

Большихъ мѣдныхъ тазовъ.

Пару подсвѣчниковъ изъ желтой мѣди.

Сладкаго миндалю.

Испанскаго изюму.

Писчей бумаги.

Разныхъ сортовъ парчи.

Курительныхъ духовъ.

Разныхъ камней, съ рѣзьбою, для перстней, съ разными оттисками.

Камей, агатовъ, призмъ, рубиновъ, сердоликовъ и тому подобнаго.

Нѣсколько большихъ рубиновъ, разнаго вида и даже не чистыхъ, гранатовъ съ рѣзьбою; гіацинты не слишкомъ здѣсь цѣнятся.

Цвѣта кистей, чтобъ были красные, желтые, бпрюзовые, и такъ далѣе.

Пару готовалепъ съ красивыми гребнями, и въ оправѣ.

Одно полное вооруженіе: мѣрою на высокій ростъ, съ открытою грудью, для вдѣванія нагрудника; шлемъ безъ забрала, высокой и острокопечный, безъ козырка спереди и сзади, но круглый.

Всякихъ душистыхъ, и хорошихъ сортовъ водъ въ довольномъ количествѣ, на всякій случай; и такихъ же самыхъ лучшихъ мылъ для умыванія рукъ.

Зеркала хрустальныя есть тамъ превосходныя, но не въ бо̀льшомъ количествѣ.

Прислать, для господина Винченцо Орсини, небольшіе часы съ будильникомъ и часовымъ боемъ, а также разныхъ сѣмянъ: травъ, тыквъ, цвѣтной капусты и прочаго; турецкихъ бобовъ для разсады, каштановъ; пармазану, двѣ пары масокъ, лимоновъ и апельсиновъ, да немного португальскихъ вареньевъ. Вышеозначенные часы должны быть такого рода, чтобъ вѣшать ихъ на стѣну; сверхъ-того, тетрадь рисунковъ съ листьями, арабесками и тому подобнымъ.

Въ Нарву привезти золотыхъ дѣлъ мастера.

Коверъ тканый золотомъ и шелками, для покрышки государевыхъ саней, длиною по-крайней-мѣрѣ въ четыре аршина.

Другихъ покрывалъ для саней, шириною аршина въ два, длиною въ три съ половиною, и попонъ для лошадей къ этимъ санямъ.

Индѣекъ и пѣтуховъ индѣйскихъ.

Мѣрка государевой теплицы: высота почти три съ половиною аршина, длина и ширина отъ одиннадцати до двѣнадцати аршинъ.

Каймъ для покрывалъ, темнозеленыхъ, темносинихъ, и малиновыхъ, или кармазиновыхъ.

Четыре или пять пудъ висмуту для типографщиковъ.

Четыре или пять тюковъ (по десяти стопъ) большой бумаги для печатанія.

Обращикъ шерстяныхъ матерій (мукаярды), дѣлаемыхъ во Фландріи; требуется, чтобъ были цвѣта алаго и свѣтло или темнозеленаго.

Не позабыть въ особенности, что не надо брать съ собою большаго количества одного какого-нибудь товара; но всего по немногу: обыкновенными полотнами можно позапастись нѣсколько побольше, чѣмъ нужно. Холстинки же и шелковыя, какъ и другія, матеріи должны быть всѣ самыхъ яркихъ и красивыхъ цвѣтовъ, исключая бѣлаго и чернаго.

Въ Венеціи и въ Миланѣ есть разнаго сорта хрустальныя четки, и съ золотомъ и безъ золота, а также и изъ разныхъ каменьевъ, и разнаго цвѣта и вида: всего этого нужно для Москвы.

Четыре желѣзныхъ сундука порядочной величины; и нѣсколько небольшаго, гладкаго шведскаго жемчугу, самаго лучшаго.

Бруггскаго атласу, вѣрныхъ оттисковъ съ изображеніями разныхъ государей; стрѣлъ для господина Антоніо; луковъ для солдатъ.

Нѣкоторое количество разноцвѣтнаго бархату; два или три куска одного чернаго, и еще нѣсколько другихъ,

хорошихъ цвѣтовъ и лучшей доброты для государя; остальное, попроще.

Разноцвѣтной камки, по самой легкой, для Нарвы.

Еще атласу; но небольшое количество; да чтобы всѣ эти матеріи были самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ и нѣсколько изъ нихъ, — если можно,—кармазиннаго цвѣта; изъ этихъ же камчатныхъ и атласныхъ матерій требуется, лишь немного, желтыхъ; по всего болѣе бирюзоваго цвѣта.

Флорансу съ цвѣтнымъ отливомъ.

Хорошихъ и легкихъ неаполитанскихъ полотенъ.

Краснаго и другихъ цвѣтовъ атласу, съ золотомъ; но немного.

Въ Кельнѣ дѣлается золотой галунъ, шириною въ два и три пальца: по для оторочки рубашекъ около шеи и по краямъ а также кругомъ, надобно чтобъ было тамъ перемѣшано золото съ серебромъ и разноцвѣтными шелками.

Для оторочки по краямъ требуется широкихъ золотыхъ, сѣтчатыхъ плетешковъ, также съ перемѣсью золота съ серебромъ и шелками, если можно, разноцвѣтными.

Низенькихъ спинокъ для стульевъ, въ теплицы, изъ золотыхъ и серебряныхъ кожицъ, безъ фигуръ, но чтобъ было, какъ можно поболѣе листьевъ и цвѣтовъ.

Дѣласмыхъ въ Миланѣ, фасонистыхъ галуновъ, для рейтузъ; но чтобъ были какъ можно болѣе перемѣшаны разными цвѣтами.

Дѣласмой въ Миланѣ, такой же фасонистой матеріи.

Также галуна, дѣласмаго во Флоренціи; разнаго фасона, волосянаго и бархатнаго; шириною пальца въ два, для обшивки рейтузъ.

Разнаго тряпья или разноцвѣтныхъ обращиковъ каждой матеріи, и если можно, поисшестрить ихъ немного золотомъ.

Разноцвѣтныхъ, серебряныхъ и золотыхъ, перевязей, дѣлаемыхъ въ Кельнѣ или Миланѣ, шириною въ палецъ.

Финифти, прозрачной и въ плотномъ видѣ, разныхъ цвѣтовъ, но преимущественно алой прозрачной,, да только неслишкомъ много.

Золотаго и серебрянаго гаса, мишурнаго и настоящаго, разныхъ цвѣтовъ.

И наконецъ, ножей для образца.

Примѣчаніе о цѣнахъ на разные предметы въ Москвѣ.

Сухой и сырой кожаный товаръ (Cuoja) по 15 и 20 денегъ (denning).

Мѣха большаго звѣря, стоятъ въ Москвѣ, 40 большихъ денегъ, каждая штука.

За фунтъ ртути платится нынѣ по 13 и 15 алтыновъ.

Сколько было бы барыша привезти сюда талеровъ, въ казну! Здѣсь, однако жъ, больше цѣнится привозное золото.

Деньга (Denning) стоитъ 3 рубля.

Золото нейдетъ въ прокъ, если безъ чекана.

Провозъ товаровъ отсюда въ Нарву весьма дешевъ: 4 талера съ небольшимъ, съ повозки.

Черный шелкъ, сырецъ, стоитъ 45 алтыновъ съ чѣмъто.

Мѣдная ярь (краска) стоитъ теперь въ Москвѣ, 1 талеръ 16 грошей; но обыкновенно можно имѣть ее по $\frac{1}{2}$ талера.

Пудъ (что составляетъ 40 фунтовъ) черильныхъ орѣшковъ стоитъ теперь 8 талеровъ, но обыкновенно можно доставать по 6 талеровъ. Чтобъ не портились, надо ихъ держать всегда на холоду.

Сублимата фунтъ стоитъ теперь $4\frac{1}{4}$ талера, но часто и дороже бываетъ; но не надобно привозить его въ большомъ количествѣ.

Ладонъ теперь по 20 талеровъ, но бываетъ и подешевле; только требуется, чтобъ былъ самый лучшій.

Золотой проволоки фунтъ стоитъ 18 талеровъ; разходъ на нее порядочный; требуется только, чтобъ была тонкая и самой лучшей доброты.

Ѣдущіе изъ Польши въ Москву, не платятъ никакой пошлины ни за ввозъ товаровъ, ни за вывозъ; ѣдущіе изъ Крыма, платятъ по 8 процентовъ за ввозъ, а за вывозъ ничего; изъ Нарвы же 4 процента.

Венгерки, венеціаны, полуанджеллы и тому подобное стоятъ нынѣ, по 75 денегъ, каждая штука; но они дороже обыкновеннаго; можно доставать ихъ въ другое время, по 60 денегъ.

50 денегъ составляютъ обыкновенный скудій.

Деньги въ лучшемъ ходу, чѣмъ самые талеры, какъ доказывается это на опытѣ.

Жемчугъ—въ цѣнѣ; лучшимъ считаетъя, что̀ покрупнѣе да побѣлѣе. Самый лучшій стоитъ два рубля.

Всякія пряности требуются въ Москву, преимущественно перецъ, и ужасно много его употребляется; гвоздики не столько; корицы мало; сахару не такъ много; варенаго имбирю мало, даже самаго лучшаго; мускатнаго цвѣта, мускатныхъ орѣшковъ, аниса, не въ сахарѣ, пудъ стоитъ тамъ 60 алтыновъ. Фунтъ перцу $\frac{1}{4}$ рубля; но теперь онъ дорогъ; въ другое время можно доставить его и по 10–12 алтыновъ.

Фунтъ гвоздики 1 рубль.

—— корицы 1 —

—— мускатныхъ орѣховъ 10 алтыновъ.

—— мускатнаго цвѣта 40 алтыновъ, но онъ теперь дороже обыкновеннаго.

Фунтъ имбирю неваренаго 8 алтынъ; обыкновеннаго бываетъ по 5 алтынъ. Пудъ испанскаго изюму стоитъ $1\frac{1}{2}$ рубля.

Пудъ миндалю не осахаренаго 110 алтыновъ.

Пудъ сала, въ Москвѣ, стоитъ $9\frac{1}{2}$ алтыновъ.

Пудъ воску 40 алтыновъ.

Чистаго меду, безъ воску, платится въ Москвѣ, по $\frac{1}{2}$ рубля за пудъ, даже за 2 центнера.

Нитокъ бѣлевыхъ № 1, фунтъ стоитъ 4 московки (muscoco); № 2, два фунта стоятъ 3 московки.

Красный сафьянъ стоитъ небольшихъ денегъ.

Два барана (montoni) одинъ красный, другой черный, каждый по 10 московокъ.

Ленъ, пеньку и нитки доставать надо въ Новѣгородѣ и Нарвѣ, а не въ Москвѣ.

Два *булгера?* (Bulgheri) стоятъ 22 алтына.

Кусокъ стали 1 московка.

Книжечка золотой бити, въ 8 листковъ, стоитъ 2 алтына.

Кусокъ канвы, въ 9 аршинъ, стоитъ $6\frac{1}{2}$ московокъ.

Кусокъ салфеточнаго холста, въ 8 аршинъ, 4 алтына и 4 мосоквки.

Четырнадцать щегольскихъ горностаевъ стоятъ 10 алтынъ и 2 московки.

Бурка изъ войлока стоитъ 12 алтынъ, а кусокъ войлока 8 алтынъ 2 московки.

Фунтъ алаго шелку стоитъ 55 алтынъ.

Фунтъ чернаго шелку 39 алтынъ.

Пудъ бѣлыхъ хорошихъ квасцовъ, стоитъ отъ 55 до 66 алтынъ. Красныхъ 40 алтынъ; но этого товара не требуется много.

Пудъ *бризилю?* (Brisil) 30 алтынъ, да этого и мало теперь въ городѣ.

Пудъ бобровой струи, 3 рубля.

Сыраго сафьяна $\frac{1}{2}$ талера.

За выдѣлку кожъ платится по 6 и по 7 алтыновъ со штуки.

За обыкновенную сырую кожу платится почти пололовина Δ?

Вѣсъ московскій называется гривенка (Grivenka); въ

гривенкѣ сорокъ-восемь золотниковъ; шесть золотниковъ составляютъ одну унцію; на этотъ вѣсъ взвѣшивается жемчугъ, золото, серебро, шелкъ, пряныя коренья и разныя мелочи.

Крупныя вещи вѣсятся на другой вѣсъ, называемый *фунтъ*. Въ каждомъ фунтѣ по двѣ гривенки (grevinche).

Мѣра московская для полотенъ, суконъ, матерій и тому подобнаго, называется *аршинъ*, и другой мѣры нѣтъ.

Въ Нарвѣ нѣтъ никакой таможни; но въ Москвѣ за ввозъ товаровъ взимается пошлина, по дорогѣ изъ Нарвы — по 4 процента, изъ Польши — также 4 процента; по дорогѣ же изъ Крыма — 8 процентовъ, но за вывозъ не платится ничего.

Милостивый государь, достопочтенный братъ Франческо.

Прошелъ уже годъ, какъ не писалъ къ вамъ, находясь, какъ вамъ извѣстно, за границею, въ отдаленной и варварской землѣ, откуда не могъ вамъ переслать ни вѣсточки о себѣ, проводя большую часть времени въ дорогѣ. Правда, замѣшкался я болѣе, чѣмъ полагалъ, по многимъ чрезвычайно затруднительнымъ случаямъ, какія встрѣтились со мной по причинѣ военныхъ и другихъ тамъ обстоятельствъ; не говорю уже о затрудненіяхъ, какія представляетъ самая страна. Этого году стояли здѣсь необыкновенно большіе холода, отъ которыхъ были такіе удивительные случаи, что превосходятъ всякое понятіе и воображеніе человѣческое!... Скажу только, что еще перваго Мая, хоть уже съ тысячу верстъ я ускакалъ, съ того времени какъ ѣздили на лошадяхъ и въ саняхъ по Ледовитому Морю, и перваго Декабря проѣхалъ въ Татаріи Волгу, величайшую рѣку, впадающую въ Каспійское Море, и потомъ еще Донъ, и множество тамошнихъ рѣкъ, — перваго

Мая, чуть было не умеръ отъ холода и недостатка, потому-что мало цѣнятся тамъ собственно денежныя удобства или услуги. Но теперь, какъ отдѣлался отъ этаго, приношу безконечныя благодаренія милосердому Богу, что по-крайней-мѣрѣ дозволилъ мнѣ видѣть много такого примѣчательнаго, о чемъ—прочимъ нашимъ—и не снилось даже! Я отыскалъ множество прелюбопытнаго, чего не найти у писателей, и для собственнаго удовольствія записалъ все это, какъ видѣнное самимъ мною, такъ и слышанное отъ другихъ, о всемъ достопримѣчательномъ около Сибири и Китая, куда самъ я не могъ добраться; свѣдѣнія же эти собиралъ я отъ тѣхъ, которые тамъ были.

Такимъ образомъ, если я и въ убыткѣ, перенесши столько опасностей и надѣлавъ вамъ столько безпокойства, имѣю, по-крайней-мѣрѣ, то удовольствіе, которое считаю, впрочемъ, не бездѣлицей, что за всѣмъ тѣмъ, получивъ отъ московскаго государя свободный проѣздъ по его землямъ и охранительныя грамоты, какъ, для себя такъ и для моихъ людей, я ожидаю много хорошаго впереди; потому-что собралъ такія, говорю, свѣденія, которыя мало кому извѣстны; а сверхъ того имѣю еще паспорты и охранительныя грамоты и отъ датскаго и шведскаго королей, что, какъ по мнѣ, такъ и на самомъ дѣлѣ, весьма важно! А дабы не терять случая, еще одиннадцатаго сего мѣсяца отправилъ я отсюда корабль съ грузомъ на десять тысячь ∇ товару, и наличнаго капитала; если, дастъ Богъ это дойдетъ и возвратится счастливо, надѣюсь получить отъ того много выгоды; и тогда я буду продолжать такъ и впередъ, уповая, что такимъ образомъ Богъ вознаградитъ всѣ мои приключенія и уроны,

Я не хотѣлъ пропустить случая написать къ вамъ, хоть вообще такъ кратко, чтобы по-крайней-мѣрѣ видѣли, что *я могу*; когда другіе леденѣютъ отъ

страха, — я пылаю доброю надеждой, и вы увидите результаты, что, — если не случится какого — нибудь несчастія, — корабль мой воротится, полагаю, даже прежде половины Сентября. А тогда и съ вами коечѣмъ подѣлюсь. Пока же Богъ мнѣ поможетъ счастливо окончить мои дѣла, прошу поцѣловать руку благочестивѣйшему Монтепульчіано, и поручить меня его молитвамъ во всякомъ случаѣ. Я знаю, что монсиньора Пьера Гвичіардини нѣтъ, а то бы поручилъ себя и его молитвамъ тоже. Кланяйтесь, впрочемъ, всѣмъ кому только найдете приличнымъ передать мои поклоны и, за симъ, поручая себя вашей памяти, молю Бога о сохраненіи дней вашихъ.

Если есть что-нибудь новенькаго, сообщите и мнѣ.

Антверпенъ, Двадцать-перваго Іюня 1568

Меньшій братъ вашъ

Рафаэль Барберини.

Изъ-за границы.

Господину Франческо Барберини

въ Римъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Путешествіе это въ Московію изложено Рафаэлемъ Барберини въ видѣ письма къ его отцу, и въ подлинникѣ начинается словами: «onorando Padre!»

[2] Антоній и Матвѣй (Maffeo), братья путешественника.

[3] Не говоря уже объ уродованіи иностранцами собственныхъ именъ вообще, встрѣчаются у Барберини нѣкоторые несообразности и въ самомъ исчисленіи миль: но эти ошибки могутъ быть здѣсь приписаны также и переписчику, господину Штридману, въ рукописи котораго, списанной съ барберинієвской, не вездѣ явственно поставлены и самыя цифры.

[4] Эти преувеличенные, невыгодные отзывы иностранца о нашихъ предкахъ доказываютъ только какъ поверхностно смотритъ онъ на нихъ. Онъ не принялъ на себя труда короче познакомиться съ ихъ добродѣтелями — любовію къ вѣрѣ, отчизнѣ, мужественной простотѣ нравовъ. Не ставемъ опровергать клеветы и ложныхъ извѣстій: они сами собою опровергаются.

[5] Здѣсь Барберини говоритъ о Святомъ Крещеніи, имѣя въ виду обряды римскокатолическаго вѣроисповѣданія, гдѣ допускается одно поливательное крещеніе, и притомъ очевидно, что онъ не зналъ обрядовъ грековосточной Церкви, когда говоритъ такъ о православномъ крещеніи и муропомазаніи.

[6] Вѣроятно, кто-нибудь въ шутку передалъ этотъ разсказъ легковѣрному путешественнику. Въ Россіи разторженіе браковъ совершалось всегда на основаніи каноническихъ постановленій, и подобныхъ продѣлокъ никогда не видано и не слыхано. Впрочемъ, не видалъ ли онъ, можетъ статься, какой-нибудь игры подобной которую и принялъ за брачный разводъ!

[7] Жены, оставшіяся послѣ мужей принявшихъ монашескій обѣтъ, никогда не выходили за-мужъ. Вѣроятно и здѣсь также переданъ былъ ему невѣроятный разсказъ, который Барберини принялъ за сущую правду.

[8] Въ 1503 году былъ дѣйствительно въ Москвѣ соборъ, при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и Россійскомъ Митрополитѣ

Зосимѣ, гдѣ было положено, чтобы вдовствующіе священники и діаконы не отправляли служенія.

[9] При совершеніи таинства вѣнчанія, новобрачнымъ подносилось красное вино, на основаніи постановленій Святыхъ Отецъ; надавив, по принятому обычаю, новобрачный, по выпитіи вина, долженъ былъ раздавить ногою стеклянный кубокъ. Это совершалось даже и на царскихъ свадьбахъ. (См. Свадебные обряды при царскихъ церемоніалахъ, въ сказаніяхъ И. И. Сахарова т. II, кн. 8). При бракосочетаніи Царя Алексѣя Михайловича было отложено разбивать сосудъ. Здѣсь Барберини несправедливо разсказываетъ только то, что будто молодой дожидался, пока кубокъ подкатится ему подъ ноги, и будто новобрачные вмѣстѣ со священникомъ роспивали вино, чего никогда не бывало; да и вообще самое таинство брака у него разсказано сбивчиво.

[10] Это случалось только въ царствованіе Іоанна Грознаго; когда опальный подвергался наказанію за важное государственное преступленіе, — имѣніе его отписывалось на казну и въ послѣдствіи раздавалось достойнымъ; но отнюдь не такъ бывало, какъ разсказываетъ объ этомъ Барберини.

[11] Правежъ кончился при Петрѣ I. Татищевъ, современникъ этихъ событій, передалъ намъ подробныя извѣстія на счетъ дѣйствій правежа; онъ былъ введенъ въ число гражданскихъ постановленій. У насъ еще и доселѣ сохранилась пословица: семеро въ гости зовутъ, а все на правежъ!

[12] Здѣсь Барберини разсказываетъ про судъ, извѣстный у насъ еще съ XI вѣка подъ названіемъ *битвы на полѣ* по судебнику Царя Іоанна Васильевича. (См. Статью о судебномъ поединкѣ въ трудахъ Московскаго Историческаго Общества, часть I. стр. 29).

[13] Книгопечатаніе вовсе не было вывезено изъ Константинополя а началось оно у насъ въ слѣдствіе соборнаго постановленія 1552 года. Первая напечатанная книга была *Апостолъ*, вышедшая изъ Московской типографіи въ 1564 году. Первоначальное печатаніе славянскими буквами, началось въ Черногоріи въ 1491 году; для обученія московскихъ типографщиковъ Іоанна Федорова съ товарищами, вызванъ былъ изъ Даніи Иванъ Богбиндеръ (Hans Bogbinder) отъ датскаго короля Христіана III. (См. Словарь духовныхъ писателей Митрополита Евгенія. изданіе второе, часть 1, стр. 260, подъ статьею Іоаннъ Федоровъ, и также Древніе русскіе памятники, изд. Сахарова, 1842 года.

[14] Чеканъ монеты начался въ Россіи еще современъ Великаго Князя Владиміра, и не только государи московскіе имѣли право чеканить монету, выпускали ее и удѣльные князья. (См: а). Лѣтопись русской нумизматики, изд. Сахарова, 1842; б). Описаніе русскихъ монетъ, Черткова, и 3) Описаніе монетъ барона Шодуара.

[15] Барберини не зналъ конечно нашихъ положеній о боярахъ, дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ, которые получали помѣстные оклады, съ землями, и были за то обязаны выводить съ собою на войну людей, жившихъ на ихъ земляхъ, и содержать ихъ на собственномъ своемъ отчетѣ. Награда же шубами и кафтанами раздавалась послѣ сраженія за отличные подвиги.

[16] Въ первый разъ прибыли Англичане въ Россію въ 1553 году; капитанъ Ченсерёръ первый вошелъ въ Двинскій Заливъ, гдѣ находился тогда Монастырь Святаго Николая, и гдѣ былъ основанъ городъ Архангельскъ. Первое прибытіе ихъ подробно описано въ путешествіи Адама Климента. Полное собраніе англійскихъ путешественниковъ въ Россію было издано въ Англіи Гаклюйтомъ въ особенномъ сборникѣ подъ заглавіемъ: «Hakluyt's collection of the Early Voyages, travels and Discoveries of the English nation» Изданіе первое вышло въ Лондонѣ 1599, второе — 1809 года.

[17] Поклоненіе *златой бабѣ* были у пермскаго и абдорскаго народа. (См. у Карамзина т. V. стр. 113).

[18] Рѣка Обь вытекаетъ изъ Телецкаго Озера въ Бухаріи; но названіе Оби получаетъ она при соединеніи съ рѣкою Катунью; не это ли самое и называетъ Барберини Озеромъ Каттаемъ?

[19] Преданіе о баранцѣ иностранцы получили со временъ еще Герберштейна, и эта сказка продолжалась до XVIII вѣка; подробности объ этомъ баранцѣ помѣщены въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, См. т. IV, стр. 300. Также см. *Сынъ Отечества* нынѣшняго года, книжку первую, стр. 28, въ отдѣленіи Русской Исторіи.

[20] Москва-рѣка вытекаетъ изъ Можайскаго Уѣзда, близъ деревни Асташки, изъ озера.

[21] Здѣсь должно разумѣть городъ Васильсурскъ, основанный

при устьѣ рѣки Суры; онъ же построенъ въ 1523 году при Великомъ Князѣ Васильѣ Іоанновичѣ.

[22] Иванъ-Озеро находится въ Тульской Губерніи, въ Веневскомъ Уѣздѣ, и вовсе не имѣетъ пространства полуторы тысячъ верстъ.

СНОШЕНІЯ

ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА

СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ ФЕРДИНАНДОМЪ,

О ЛИВОНСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

СЪ ЛАТИНСКАГО.

Ливонская война начата была двадцать-втораго Января 1558 года. Въ это время въ Ливоніи былъ магистромъ ордена Фирстенбергъ, преемникъ фонъ Галена. Быстрыя завоеванія Іоанновы въ Ливоніи обратили вниманіе сѣверныхъ государей; изъ нихъ ходатайствовали: король польскій — Августъ; шведскій — Густавъ Ваза; датскій — Фердинандъ II. Въ это же время Ливонцы тайно заключили трактатъ съ императоромъ Фердинандомъ. — Въ одно время отъ всѣхъ государей, въ 1559 году, прибыли послы въ Москву.

Отъ императора Фердинанда прибылъ туда же гонецъ съ граматою, въ Февралѣ мѣсяцѣ. Объ-этомъ со-

хранилось извѣстіе въ продолженіи царственной книги: «Пріѣхалъ гонецъ отъ Цесаря Римского и наивышшого Короля Фердинандуса, Еронимъ, съ граматою... И Царь и Великій Князь гонца Цесарева отпустилъ, почтивъ, а къ Цесарю съ нимъ граматы послалъ, объявляя свое государство, что силу Богъ далъ, и похочетъ Цесарь быти въ любви и въ братствѣ..... и онъ бы прислалъ своихъ великихъ пословъ отъ совѣтниковъ своихъ, и тогды о всѣхъ дѣлѣхъ договоръ учинятъ.»

Ходатайство Фердинанда было безуспѣшно. Іоаннъ, изложивъ причины войны ливонской, требовалъ отъ него полномочныхъ пословъ для заключенія трактата. Между-тѣмъ военныя дѣйствія въ Ливоніи продолжались. Послѣ взятія Феллина, Фирстенбергъ, какъ плѣнникъ, былъ привезенъ въ Москву. Іоаннъ далъ ему во владѣніе костромское мѣстечко Любимъ, гдѣ онъ и кончилъ дни свои.

Все это изложено въ отвѣтномъ письмѣ Іоанна. Карамзину были извѣстны: граммата Фердинанда, по ватиканскимъ выпискамъ Альбертранди, и отвѣтная грамата Іоанна; но гдѣ сія послѣдняя находится — объ этомъ ничего онъ не сказалъ.—Объ эти граматы представляются здѣсь въ переводѣ съ латинскаго, по спискамъ господина Штрандмана, хранящимся въ Румянцовскомъ музеумѣ и учиненнымъ съ подлинныхъ рукописей, находящихся въ Ватиканской Библіотекѣ въ Римѣ.

ГРАМАТА
ИМПЕРАТОРА ФЕРДИНАНДА
КЪ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ.

—

Король Фердинандъ Свѣтлѣйшему Царю.

Не безъ душевнаго прискорбія освѣдомились мы, въ послѣднихъ мѣсяцахъ, что недавно ваше свѣтлѣйшество, подъ предлогомъ какого-то противозаконнаго со-

бранія доходовъ, или контрибуцій, съ Дерптской Епархіи, пошли злѣйшею войною, не только противъ преподобнаго Вильгельма Фирстенберга, магистра тевтонскаго ордена въ Ливоніи, но даже противъ самого ордена и ливонскихъ провинцій; и между-тѣмъ, какъ заключили, съ магистромъ и съ орденомъ, чистѣйшій, справедливѣйшій и христіанѣйшій трактатъ,—неоднократно, варжески и безмилосердно, стали мечомъ и огнемъ опустошать означенную епархію и прочія ордену принадлежащія земли; причемъ осаждали, брали и занимали многія города и укрѣпленія, съ тѣмъ, вѣроятно, намѣреніемъ, чтобы всю Ливонію отторгнуть отъ священной Имперіи Римской и власти своей подчинить!

Но такъ какъ упомянутый магистръ и орденъ, съ своими ливонскими провинціями, состоитъ значительнымъ членомъ священной Имперіи Римской, и не можетъ посему, безъ тяжкаго оскорбленія нашего и священной имперіи, быть обезпокоиваемъ и томимъ войною; и намъ, по императорскому сану нашему, надлежитъ ревностно заботиться о томъ, чтобы провинцій и правъ сей Имперіи Римской никто не стѣснялъ и не отнималъ: мы признали необходимымъ объяснить это вашему свѣтлѣйшеству настоящею граматою. — Впрочемъ мы считаемъ совершенно невозможнымъ, чтобы ваше свѣтлѣйшество, по справедливости своей и старинной дружбѣ, которую съ блаженными предшественниками нашими, римскими императорами и королями, а также съ курфирстами, герцогами и прочими чинами Имперіи Римской, вели пресвѣтлѣйшіе предки ваши, и которую ваше свѣтлѣйшество сами доселѣ доказывали намъ, нынѣ вдругъ, перемѣнивъ свой образъ мыслей, вздумали подать какой-либо поводъ къ оскорбленію нашему и и чиновъ имперіи; о чемъ легко бы можно заключить, если бы ваше свѣтлѣйшество, старались кого либо изъ помянутыхъ чиновъ подчинить своей власти; и это потому-что, какъ мы, такъ и они, обязаны его покрови-

тельствовать и защищать. Но не могли бы мы также перенести ревнодушно и того, чтобы самъ магистръ съ орденомъ и своими ливонскими провинціями вышелъ изъ повиновенія и вѣрноподданства имперіи нашей, или же былъ притѣсняемъ!

Посему благосклонно просимъ и требуемъ, дабы ваше свѣтлѣйшество отъ веденія войны съ вышеречеными магистромъ и орденомъ ливонскимъ, а равно и съ подданными ихъ,— такъ какъ они суть почетные члены Имперіи Римской и отъ насъ зависятъ, — совершенно воздержались, и всѣ мѣста, земли и подданныхъ, что только отняли у нихъ, въ цѣлости же имъ возвратили, а также и впредь не дѣлали имъ отнюдь никакихъ непріятностей и непріязненныхъ нападковъ; а если бы считали себя со стороны того магистра и ордена обиженными, то лучше бы ласково и дружески съ ними примирились, а не развѣдывались оружіемъ.

Мы, однако жъ, обѣщаемъ, по выразумѣніи непріятностей вашего свѣтлѣйшества, дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ такъ, чтобы ваше свѣтлѣйшество не могли имѣть ни малѣйшаго повода къ неудовольствію — чего и ожидаемъ отъ благочестія и умѣренности вашей. Что же касается до насъ, то мы, какъ съ своей стороны, такъ и со стороны чиновъ священной имперіи, сохранимъ всяческое доброхотство, дружбу и сосѣдственное благорасположеніе; вездѣ и всегда будемъ готовы, по желанію вашего свѣтлѣйшества, способствовать къ преуспѣянію всего того, что касаться будетъ сохраненія и умноженія чести и благодѣйствія взаимнаго.

Впрочемъ, остаемся въ полной увѣренности, что ваше свѣтлѣйшество поступите, какъ подобаетъ благочестію и сообразно благоразумію и справедливости. За симъ, желая вашему свѣтлѣйшеству здравствовать и въ намѣреніяхъ вашихъ успѣвать, ожидаемъ желаемаго съ вашей стороны отвѣта. Вѣна. 19 Октября 1558 года.

ОТВѢТНАЯ ГРАМАТА
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МОСКОВСКАГО
КЪ
ЦЕСАРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Соизволеніемъ Всемогущаго Бога, въ Троицѣ славимаго, Премудраго Создателя всѣхъ живыхъ, Совершителя всего благаго, Единаго, Мудраго и Грознаго, Всевышняго на престолѣ своемъ, Судіи всѣхъ и Хранителя, Коимъ цари царствуютъ и князи правятъ, и могучіе поддерживаютъ царя,—Его всещедрою милостію, —

Мы, великій государь Іоаннъ Васильевичъ, царь казанскій, и астраханскій, государь московскій и великій государь смоленскій, и великій князь тверскій, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иныхъ. Государь и великій князь Новогорода низовской земли, и черниговскій, рязанскій, волотцкій, ржевскій, бѣльскій, ростовскій, ярославскій, бѣлоозерскій, удорскій и обдорскій, кондинскій и иныхъ, и всея сибирскія земли, и всея сѣверныя страны повелитель и государь ливонскія земли и Юрьева и иныхъ — *Фердинанду* королю венгерскому, богемскому, далматскому, кроатскому, славонскому, природному королю испанскому, эрцгерцогу австрійскому, герцогу бургундскому, брабандскому, штирійскому, каринтійскому, карнискому (шверинскому), маргграфу карніольскому, моравскому, герцогу луксенбургскому и обѣихъ Силезій, виртембергскому и обѣихъ Сицилій, и фетскому, государю луцкомитскому (?) графу габсбургскому и тирольскому и тридентскому и кобургскому, горицкому и. . . . . графу альзацкому (?) маргграфу Римской Имперіи, бургундскому (?), верхней и нижней Лузаціи, и государю Славоніи и порта навскаго и салинскаго, — нашему любезному другу, отъ Бога Всехранителя, здравія, всѣхъ благъ поспѣшенія, въ сіе настоящее время, и благодействія твоему свѣтлѣйшеству желаемъ.

Грамату твою, присланную къ намъ съ человѣкомъ твоимъ *Еронимомъ*, мы получили, и такъ какъ съ уваженіемъ упоминается въ ней о предшественникахъ нашихъ, великихъ государяхъ, Василіѣ и Іоаннѣ, блаженныя памяти родителяхъ нашихъ, и о тѣхъ дружескихъ и совершенно братскихъ отношеніяхъ, въ которыхъ вышереченные великіе государи, всегда находились съ твоими прародителями — Филиппомъ, Максимиліаномъ и Фридерикомъ, и которыя благосклонно желаешь сохранить и съ нами равномѣрно, — то и наказали мы, чрезъословъ твоихъ, пожелать тебѣ здравія, и, въ особенности, передать нашу великую милость!

Что же касается до просьбы твоей у насъ о *Ливонцахъ*, дабы я простилъ имъ негодованіе наше на нихъ, и присталъ на миръ предъ лицемъ любезнѣйшаго пресвѣтлѣйшества твоего, то да будетъ извѣстно, что за вину и несправедливости ихъ и за нарушеніе христіанства и всякое не правое дѣло, слѣдовало бы, чтобъ и твое негодованіе и гнѣвъ обрушились на нихъ, какъ на нарушителей справедливости и правоты.

Во-первыхъ, они нарушили наказъ Господень и приняли *ученіе Лютерово*. Притомъ со временъ предковъ нашихъ, начиная съ *Георгія Великаго* они обязаны были доселѣ платить намъ контрибуцію и чинить всякое повиновеніе: ибо *замокъ Юрьевъ* (arcem Georgii), именуемый Дерптомъ (Derpto), во имя свое соорудилъ предокъ нашъ царь Руси (Cœsar Russiæ), по имени Юрій Ярославъ, лѣта пять тысячъ тридцать осьмаго, равно какъ и прочіе многіе города въ земляхъ остъ-зейскихъ основалъ; а также въ *Гивергени* (in Gyvergeno) *Колывани* и *Ригѣ* соорудилъ храмы Божьи (Lectias Dei) и купцамъ своимъ русскимъ устроилъ, въ тѣхъ городахъ, рынки; построилъ дворцы и крѣпости, и установилъ свободные ярмарки, безъ всякаго взиманія съ нихъ пошлины; и дозволивъ имъ вести свободный торгъ со всѣми вашими Италіянцами, утвердилъ это и грамата-

ми своими; и съ того времени учрежденіе это существуетъ и понынѣ. Равнымъ образомъ, и въ новѣйшія времена, магистромъ или княземъ и архіепископомъ, и епископомъ юрьевскимъ, а также и собственнымъ ихъ епископомъ и всѣми ливонскими людьми эта торговля утверждена, въ ихъ граматахъ, подъ христіанскою клятвою, и на всѣхъ таковыхъ приложены ихъ печати, дабы сіе было и впредь также ненарушимо и сохранялось по-прежнему. Но Ливонцамъ христіанская клятва и собственныя, за ихъ печатями, граматы ничего не значили: они христіанскія церкви наши осквернили (violaverunt), располагая тамъ конюшни, мѣста человѣческихъ нечистотъ (loca excrementorum humanorum); и иконы Спасителя нашего Іисуса Христа, Его Пречистой Матери, святыхъ апостолъ, святхыъ угодниковъ Божіихъ и святыхъ мучениковъ, одни пожгли, а другія побросали даже въ нечистыя мѣста (in locatta immunda); всѣ же площади, и окрестности дворца и другія службы, жилыя и городскія (alias necessitates vitæ et terræ), подъ подпожный кормъ заняли (pascetis occupaverant) и старые долги свои, слѣдующіе намъ, начали пренебрегать. Не смотря на все это, мы часто увѣщевали ихъ, дабы они обратились къ Богу, и отъ нечестія къ благочестію, граматами нашими и посланіями, старались ихъ направить къ древнему ихъ закону, какъ хорошій врачъ ко здравію, а все это для собственной ихъ пользы и спасенія; но упорство ихъ слабоумія измѣнилось въ кость и ребро, и сердце ихъ закоснѣло, какъ сердце Фараона, пока не обрушится на нихъ, что̀ сказано (въ Св. Писаніи): «Ожесточу Фараоново сердце, да проявлюсь въ немъ!» И такимъ образомъ, когда не слушаютъ они ни насъ, ни наказовъ нашихъ, то да и терпятъ нынѣ, за своевольство свое, отъ огня и меча, не по желанію нашему а по собственному умышленію, какъ гласитъ пророкъ: «Возложи уста свои на небо и языкъ прейде въ землю!»

Буде же угодно пресвѣтлѣйшеству твоему и съ нами пребыть въ дружбѣ и любви, то весьма похвально и хорошо помышленіе твоего высочества (Tuæ altitudinis), какъ сказано о блаженныхъ и достохвальныхъ предкахъ нашихъ; что же касается до нашего въ Ливоніи правленія и повѣрки правосудія (Justitiæ revisio) и усмиренія смутъ и грабежей и успокоенія ихъ мятежническаго духа, то было бы хорошо, чтобъ кого, изъ честныхъ и благоразумныхъ совѣтниковъ своихъ, твое пресвѣтлѣйшество ко мнѣ прислало; и если очи пресвѣтлѣйшества твоего провидятъ, изъ того посольства нашего достойнѣйшій и неукоризненнѣйшій отвѣтъ изложеннаго въ граматѣ великодушія (responsum profatæ in officio magnitudinis), о чемъ доселѣ не было извѣстно твоему отличному и здравомыслящему пресвѣтлѣйшеству, тогда познается, что было прежде и что нынѣ есть, и для вящщаго устраненія всякой сомнительности будетъ оно обнародовано!

Писано въ великомъ городѣ Москвѣ, во дворцѣ нашемъ, лѣта семь-тысячъ-шестьдесятъ-осьмаго (1560), мѣсяца Февраля 24 числа, царствованія нашего на русскомъ престолѣ въ двадцать-седьмой годъ; въ Рязани же въ осьмой, и въ Астрахани въ третій.

ДОНЕСЕНІЯ ВЪ ПИСЬМАХЪ

О ВОЙНѢ МОСКОВСКАГО ЦАРЯ СЪ ПОЛЬСКИМЪ КОРОЛЕМЪ.

(1580—1582).

СЪ ИТАЛІЯНСКАГО.

I.

О БѢДСТВІИ ВЕЛИКИХЪ ЛУКЪ.

(1580).

Е. В. король Польскій, по прибытіи въ Витебскъ, въ послѣднюю землю и крѣпость своихъ предѣловъ, отправилъ великаго канцлера (il sign. Gran Cam.) съ войскомъ, около шести-тысячъ человѣкъ, къ непріятельскому замку, именуемому *Велижъ* (Vieliza, Vieligia). Здѣсь онъ, простоявъ около двухъ дней, взялъ его на условіяхъ: это было шестаго Августа. Услышавъ объ этомъ, король двинулся со всѣмъ войскомъ на другой непріятельскій замокъ *Усвятъ* (Usfiat, Usfat), и сдѣлавъ траншеи, послалъ туда Литовцевъ, послѣ чего и эта крѣпость, равнымъ образомъ, сдалась пятнадцатаго Августа. Тутъ пробывъ восемь сутокъ, его величество король двинулъ вдругъ лагерь къ *Великимъ Лукамъ*, городу съ

огромнѣйшими зданіями и замкомъ, какъ нельзя лучше укрѣпленнымъ, хотя и деревяннымъ, расположеннымъ на ровномъ мѣстѣ, по обычаю этихъ земель, но въ особенности неприступномъ, по причинѣ окружающихъ его рѣкъ и болотъ.

На собравшемся, при выступленіи литовскаго войска, совѣщаніи о томъ, что̀ дѣлать, мѣсто это было признано самымъ важнымъ пунктомъ для военныхъ дѣйствій, и положено его занять. Въ такомъ случаѣ если бы это послѣдовало, можно сказать, что довольно сдѣлано для этого года. По-этому его величество и отправился съ войскомъ къ этому пункту. Прибылъ онъ туда двадцать-втораго Августа, не безъ малыхъ однако жъ затрудненій, по причинѣ непроходимѣйшихъ лѣсовъ и болотъ, которыя встрѣчались на пути около этого замка, куда ретировались всѣ войска, выжегши городъ, хотя и обширный, но состоявшій, по тамошнему обычаю, какъ выше сказано, изъ деревянныхъ строеній; замокъ же былъ тоже не малъ въ своемъ объемѣ и могъ удобно помѣстить въ себѣ весь народъ.

Двадцать-осьмаго Августа прибыли три посла московскіе; на другой день назначена имъ была аудіенція, на которую пришедши, ничего другаго они не сказали, кромѣ, что имѣли отъ своего великаго государя порученіе не передавать посольства на своей землѣ, и что его величество долженъ отретироваться въ свою землю, и тамъ они изложатъ, за чѣмъ они присланы.

Такія рѣчи были приняты частью съ негодованіемъ, частью со смѣхомъ, и наконецъ отвѣчали имъ, что если имѣютъ что̀ сказать, должны объясниться; если же нѣтъ, такъ могутъ отправиться обратно въ свои палатки. По прибытіи ихъ туда была къ нимъ приставлена почетная стража; а его величество началъ между тѣмъ стѣснять замокъ и подводить къ нему артилерію, чтобъ начать уже приступъ. Тутъ при дѣланіи траншей, выстрѣломъ изъ мушкета, изъ замка, убитъ

панъ *Слочевскій*, (Sgloccevio) кастелянъ замковый (di Zanvekost), который былъ отправленъ въ качествѣ посла для устройства свадьбы нашего пресвѣтлѣйшаго Великаго князя, отъ имени короля Сигизмунда.

Перваго Сентября былъ открытъ огонь по замку изъ осьми баттарейныхъ орудій, со стороны Венгерцовъ (Unghari). Потомъ, въ полдень, былъ снова открытъ, со стороны великаго канцлера, изъ девяти орудій, а послѣ еще присоединился къ нему баттарейный огонь со стороны Венгерцовъ; они же столько сдѣлали, что на другой день, хотя и съ большимъ трудомъ и сильною смертностію съ ихъ стороны, замокъ былъ, однако жъ, аттакованъ уже безпрерывнымъ огнемъ, который мало по-малу, не давая непріятелю возможности оправиться, началъ жечь у него бастіоны.

Увидя это, московскіе послы снова стали просить аудіенціи, которую получивъ, уже не говорили того, что осмѣлились было въ первый разъ сказать, снесли даже всѣ оскорбленія, которымъ подверглись какъ и въ первый разъ, и наконецъ дали понять, что нужно имъ, безъ понужденій со стороны его величества, изложить цѣль своего посольства: Тогда король объявилъ, что не принуждаетъ никого и, если хотятъ исполнить свое посольство, пусть говорятъ, зачѣмъ они присланы; если же нѣтъ, пусть себѣ убираются прочь. Тутъ начали они говорить одинъ за другимъ, попеременно, о грубомъ съ ними обращеніи, разсказывая о бывшемъ сначала, что отсылаютъ пословъ въ Москву съ осмѣяніемъ и варварски, какъ будто бы разыгрывая комедію. Проговоривъ такимъ образомъ около часу безъ всякаго заключенія, подали наконецъ грамату, въ которой требовали отъ короля, чтобы далъ имъ какихъ-нибудь депутатовъ, съ которыми могли бы трактовать. Тогда король назначилъ имъ воеводу и кастеляна виленскаго, воеводу и кастеляна троцкаго, и кастеляна гнѣзненскаго, съ которыми вступивъ въ переговоры,

сдѣлали они вдругъ такое предложеніе, — что ихъ великій государь миролюбиво оставитъ королю все, что онъ имѣетъ въ Ливоніи и Полоцкѣ, да сверхъ того, за выкупъ своихъ плѣнныхъ — Усвятъ и Велижъ; но съ тѣмъ, что и король съ своей стороны долженъ, безъ отлагательства, снять осаду съ Великихъ Лукъ. Въ этомъ заключалось все ихъ предложеніе. На это имъ отвѣчали, что все предложенное ими вздоръ, потому-что король и безъ того имѣетъ все это у себя въ рукахъ; и что если нѣтъ у нихъ чего другаго сказать, то не должны въ такомъ случаѣ надѣяться на миръ; но что увидятъ, какъ, въ ихъ глазахъ, опустошится это мѣсто, по взятіи котораго пойдутъ завоевывать дальше. Тогда не зная ничего другаго придумать сами, послы московскіе просили о дозволеніи отправить, по-крайней-мѣрѣ, гонца къ ихъ великому государю. Получивъ дозволеніе, отправили къ его величеству одного изъ своихъ съ просьбою, состоявшею въ томъ, что Москвитяне оставляютъ королю все, чѣмъ онъ владѣетъ въ Ливоніи, а что объ остальномъ будетъ говориться послѣ: не то король самъ пойдетъ за отысканіемъ того въ Московію; если же и этого мало, отправится за тѣмъ на Бѣло-озеро, въ послѣднее убѣжище князей въ критическихъ обстоятельствахъ; и дано было гонцу шестнадцать дней срока съѣздить туда и обратно. Такимъ образомъ отправленіе этого гонца къ московскому царю послѣдовало четвертаго Сентября, въ тотъ самый день, когда Венгерцы снова аттаковали огнемъ замковые бастіоны, а къ вечеру были они аттакованы огнемъ и со стороны великаго канцлера; огонь этотъ былъ раздуваемъ вѣтромъ такъ сильно, что невозможно было никакъ погасить его. Увидя это, осажденные принуждены были прибѣгнуть къ милосердію его величества, предаваясь совершенно его великодушію: тутъ король и охотно бы желалъ спасти ихъ вмѣстѣ съ замкомъ, но по-

жаръ разсвирѣпѣлъ и подходилъ уже къ пороховымъ магазинамъ, такъ что всякое человѣческое убѣжденіе спасти замокъ, было бы безполезно. Его величество желалъ однако жъ спасти, по-крайней-мѣрѣ, народъ, который, увидя все болѣе усиливающійся пожаръ, бѣжалъ уже изъ замка, со всѣхъ сторонъ. Но, не смотря на всѣ строжайшія приказанія его величества не дѣлать никому съ непріятельской стороны ни малѣйшей обиды, венгерская пѣхота, карая за смерть нѣкоторыхъ изъ своихъ, считала себя сильно оскорбленною, не могла удержаться, чтобъ не убивать всякаго, кто попадался въ руки, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей..... Такимъ образомъ всѣ гибли отъ меча, или, избѣгая убійства, бросались въ окрестныя воды и тамъ кончали жизнь; съ другой стороны множество сгарало въ самомъ замкѣ, и женщины — отвратительнѣйшее зрѣлище! — были обдираемы до нага и такъ бросаемы..... Когда же потомъ огонь дошелъ до пороха, все было вдругъ взорвано на воздухъ. Убытокъ былъ не малъ, тѣмъ болѣе, что если бы и могло быть что спасено, какъ это было съ Полоцкомъ, предавалось величайшему грабежу. Погибло тамъ не мало и нашихъ, которые, не глядя на собственную опасность, вошли туда для грабежа. Такимъ образомъ великокняжескій замокъ былъ до тла истребленъ. Потомъ его величество принялся тотчасъ за поправленіе его, отстроивая гораздо крѣпче и прочнѣе прежняго, съ тѣмъ, чтобы оставить тамъ хорошій гарнизонъ. Это было двадцать-седьмаго Сентября. Между тѣмъ король получилъ извѣстія, что около одного замка, находящагося миляхъ въ осьми отъ Великихъ Лукъ, стоитъ многочисленное войско московское, которое, по догадкамъ, простиралось до десяти-тысячъ человѣкъ. Тогда его величество послалъ двѣ тысячи конницы, для рекогносцировки этого мѣста, и для осмотра, можно ли было схватиться

съ непріятелемъ; но напередъ послано туда триста человѣкъ конницы, при появленіи которой, Москвитяне, не зная о прочихъ, вздумали ударить на нихъ и надѣялись взять ихъ въ плѣнъ живьемъ: почему, скрывъ все прочее свое войско, оставили они только двѣ-тысячи пять-сотъ отборнѣйшей конницы, и съ ними пошли на встрѣчу нашимъ передовымъ отрядамъ. Увидя же, что дѣло имѣютъ съ двадцатью-шестью человѣками изъ королевской свиты, непріятель подвинулся впередъ и наткнулся на нашу конницу; тутъ уже замѣтивъ, что наши были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ они полагали, вдругъ поворотили назадъ и бросились бѣжать, а наши давай ихъ преслѣдовать, и гнались за ними болѣе двухъ миль, пока не достигли моста, гдѣ уже бѣжавшимъ не было спасенія. Здѣсь разбиты они были на голову и многіе взяты въ плѣнъ; между прочими схвачены два важныя лица — любимцы великаго князя; изъ нашихъ же погибъ только одинъ, а подъ другимъ убитъ конь. Сказываютъ еще, но не пишутъ, будто въ этомъ сраженіи нашихъ было всего сорокъ шесть человѣкъ конныхъ, а съ непріятельской стороны шесть сотъ, и они были разбиты. Въ плѣнъ между прочими попался къ намъ одинъ изъ родственниковъ великаго князя, братъ второй его жены, да еще племянникъ котораго-то изъ пословъ, бывшихъ въ Великихъ Лукахъ. Пораженіе это Москвитянъ, какъ извѣщаютъ, случилось двадцать седьмаго Сентября, а гонецъ, посланный къ великому князю, доселѣ еще не возвращался..... По-этому надо полагать, что онъ не существуетъ, и что Богъ судилъ такимъ образомъ наказать великаго князя, хоть разъ въ жизни, за его неслыханныя жестокости. Впрочемъ пишутъ изъ Вильны, отъ девятнадцатаго Октября, что по извѣстіямъ изъ лагеря, отъ двѣнадцатаго числа, гонцы уже возвратились будто-бы съ порученіемъ вести переговоры о мирѣ, и привезли съ собою условія, могущія быть принятыми. Но по-

ложительнаго въ этомъ нѣтъ еще ничего. Поговаривали также, будто король, по взятіи Великихъ Лукъ, занялъ, съ согласія или иначе, и замокъ *Торопецъ* (Toropez) пунктъ довольно важный; и что пошелъ на *Невель* (Nevel), потому-что только эти два пункта оставались еще съ этой стороны во власти у непріятеля, и препятствовали подвозу съѣстныхъ припасовъ изъ Полоцка и Великихъ Лукъ. Сказываютъ, даже, что Невель взятъ, но до-сихъ-поръ еще нѣтъ ничего извѣстнаго ни о томъ, ни о другомъ.

Король, отправивъ московскихъ пословъ, самъ возвратится во свояси для созванія сейма, и если придется продолжать военныя дѣла, можетъ быть, не пріѣдетъ ли и въ Литву, гдѣ поустроившись отправится снова въ Польшу; но и объ этомъ нѣтъ еще ничего точнаго.

II.

ОБЪ ОСАДѢ ПСКОВА.

(1582)

Находясь въ Литвѣ и не имѣя подъ рукою никакихъ записокъ; я не припомню, что, въ послѣдній разъ, писалъ я къ вамъ, милостивый государь, о завоеваніяхъ нашего короля въ этомъ году. Послѣ долгихъ сборовъ, скажу вамъ, что его величество, по совѣту опытнѣйшихъ туземцевъ, задумалъ взять Псковъ (Plescowia). Городъ этотъ лежитъ въ области того же имени, съ титуломъ княжества, между Ливоніею и великимъ Новгородомъ, близъ Финскаго Моря (mar Finizico), или, по-нашему, Венедскаго залива (sino Venedico). Вы объ этомъ лучше можете узнать изъ записокъ Герберштейна о дѣлахъ Московіи. Самый городъ съ предмѣстьями занимаетъ обширный округъ; эти предмѣстія выжжены Москвитянами, при первой вѣсти о приближеніи сюда короля; и теперь осталось только то, что находится въ крѣпости, но и этотъ остатокъ равняется большимъ городамъ Италіи.

Не смотря на то, что самая сторона очень близка къ Сѣверу и чрезвычайно холодна, она прекрасна, населена, производитъ въ изобиліи пшеницу и другой хлѣбъ. Наши, во время набѣговъ видавшіе большую часть Московіи, удивляются, что съ выходомъ ихъ изъ Литвы показалось имъ, по мѣстоположенію страны, по хлѣбопашеству и самымъ строеніямъ, будто они вошли въ новый міръ; и что при тамошнихъ сильныхъ холодахъ произрастаетъ много такого, чего здѣсь нѣтъ. Природа тамъ гораздо лучше и прелестнѣе нашей; даже самые люди красивѣе и куда умнѣе здѣшнихъ, и такъ обходительны, какъ-будто бы они всегда обращались съ чужеземными народами, хотя и не имѣютъ съ ними сношеній. Отъ этого, должно предполагать, они и во всемъ могутъ быть превосходны*. Городъ Псковъ, кромѣ своей важности, считается у Москвитянъ главнымъ пунктомъ, какой только есть у нихъ на Западѣ, или гдѣ-нибудь. По-этому и употребили они доселѣ всѣ мѣры для его защиты, съ большою удачею отправляя къ нему войска болѣе, нежели сколько наши воображаютъ! Но защитники вмѣстѣ съ жителями обманулись въ томъ только, что мало запаслись баттарейными снарядами, и потому-то наши, надѣясь на недостатокъ у нихъ пороха, рѣшились скорѣе истомить ихъ осадою, нежели идти на приступъ. Но предположенная осада не удалась: городъ былъ снабженъ въ изобиліи съѣстными припасами, чего наши не воображали, положась на донесенія. Однако жъ, какъ ни обманулись наши, не менѣе обманулись и Москвитяне: они не могли ожидать, чтобъ осада продолжалась до холодовъ, тогда какъ она продолжается и доселѣ. Отъ такой продолжительности оказался у нихъ величайшій недостатокъ. Сверхъ того, отъ болѣзней и голода, умираетъ у нихъ множество людей.

Кажется, что я писалъ къ вамъ, что его величество, вмѣ-

* Весьма замѣчательныя слова иностранца.

стѣ съ тѣмъ какъ рѣшился на осаду, отправилъ двухъ литовскихъ пановъ — пана Филона, воеводу смоленскаго, и пана Радзивилла, кастеляна троцкаго, съ большимъ отрядомъ войска, опустошать непріятельскую землю. Въ одномъ набѣгѣ, они на сорокъ или пятьдесятъ миль, вдоль и поперегъ, предали все огню и мечу, и не дошли до самихъ Москвитянъ, только за четыре мили. Москвитяне, видя въ пламени домы, зажженные нашими, предались бѣгству. Здѣсь была весьма широкая рѣка, и если бы кастелянъ троцкій рѣшился послѣдовать отважности воеводы смоленскаго — перейти рѣку и ударить имъ въ тылъ, то, почти можно полагать, что, отъ страха и безпамятства, они попались бы въ плѣнъ. Кастелянъ же, руководимый болѣе благоразуміемъ, нежели отважностію, и зная, что у него войска достаточно было для преслѣдованія только малочисленнаго непріятеля, не хотѣлъ согласиться на нападеніе, и поэтому возвратился въ лагерь подъ Псковъ, исполнивъ въ точности порученіе короля. Когда такимъ образомъ очистили эту сторону, городъ уже не могъ ожидать себѣ помощи ни откуда, потому-что и со стороны Ливоніи все было истреблено, кромѣ нѣсколькихъ замковъ, остававшихся еще въ рукахъ Москвитянъ и нуждавшихся въ своемъ обезпеченіи. Они могли бы еще имѣть вспоможеніе со стороны Новагорода, но и тамъ большое число Казаковъ производятъ опустошительные набѣги подъ самый Новгородъ, и тѣмъ заграждаютъ всѣ пути. Его величество, чтобъ преодолѣть, такъ сказать, всю невозможность поддерживать осаду въ суровое время года, застроилъ лагерь, для сопротивленія холодамъ, домами и землянками, такъ что лагерь показался новымъ городомъ; послѣ чего, полагая, что его присутствіе, со всѣмъ войскомъ, будетъ уже лишнимъ, возвратился въ Литву, прямымъ путемъ, — проходя мимо замковъ ливонскихъ, бывшихъ еще во власти Москвитянъ. Вмѣсто себя

оставилъ онъ великаго канцлера для продолженія осады, съ достаточнымъ числомъ войска къ сопротивленію осажденнымъ. Если же это дѣло продлится, какъ поговариваютъ, то городъ принужденъ будетъ сдаться самъ: это было и всегдашнею мыслію его величества, не желавшаго, по своему добродушію, видѣть истребленія, необходимаго по послѣдствіямъ; и хотя бы пришлось завоевать землю огнемъ и мечемъ, что можно бы легко было ему сдѣлать, если бы только захотѣлъ, но въ его памяти были бѣдствія Великихъ Лукъ, и онъ, не желая, чтобы то же свершилось и съ этимъ городомъ, готовъ былъ скорѣе отказаться отъ взятія Пскова.

Еще въ то время, какъ его величество стоялъ около Пскова, шведскій король, сосредоточивъ всѣ свои силы съ моря, взялъ Нарву, самый важный портъ Москвитянъ. По уступкѣ этого города Москвитянами нашему королю, миръ могъ бы быть заключенъ съ ними еще въ прошломъ году. Такой поступокъ, со стороны короля-родственника, весьма не понравился его величеству потому болѣе, что подъ этимъ скрывался обманъ и угрожалъ еще раздоромъ между двумя государями, особенно тогда, какъ все клонилось къ миру между нашимъ королемъ и московскимъ царемъ, и уже начаты были переговоры о мирѣ патеромъ Антоніемъ Поссевиномъ, іезуитомъ, посланнымъ его святѣйшествомъ къ московскому царю. Поссевинъ, по исполненіи возложеннаго на него порученія, прибылъ въ королевскій лагерь для совершенія мира. Король, при отъѣздѣ своемъ, назначилъ маршала великаго княжества литовскаго Альберта Радзивилла и бреславскаго воеводу Зборожскаго, знаменитыхъ по происхожденію, вести переговоры, не выходя изъ королевскихъ предѣловъ и оставаясь на самой границѣ, куда должны были прибыть и московскіе послы, тоже не смѣвшіе выходить изъ владѣній своего государя. Патеръ Поссевинъ назначенъ былъ посредникомъ, и, слышно, что

онъ построилъ для себя домъ на самой границѣ королевской и царской, куда должны будутъ собраться послы.

Доселѣ еще нѣтъ положительныхъ извѣстій объ успѣхѣ; но есть надежда, что миръ будетъ заключенъ, и что, по заключеніи его, король отправится въ Ригу для приведенія въ порядокъ дѣлъ Ливоніи, которая, на основаніи трактата, должна поступить во власть короля. Если же не совершится миръ, то король поѣдетъ въ Польшу для созванія сейма, который, какъ говорятъ, долженъ быть въ Мартѣ, въ Варшавѣ. На этомъ сеймѣ будутъ разсуждать о военныхъ дѣлахъ, и если они рѣшатся продолжать войну съ такимъ намѣреніемъ, какъ желаетъ его величество нашъ король, тогда безъ всякаго сомнѣнія, все дѣло кончится тѣмъ, что непріятельское государство будетъ присоединено къ Польшѣ.

III.

О ПЕРЕМИРІИ, ЗАКЛЮЧЕННОМЪ ПОЛЬСКИМЪ КОРОЛЕМЪ, И ОБЪ УСПѢХАХЪ ЭТОЙ ВОЙНЫ.

(1582)

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ отъ пятнадцатаго числа сего мѣсяца, я доносилъ вамъ, милостивый государь, о ходѣ военныхъ дѣлъ этаго года, а теперь извѣщаю васъ, что наконецъ заключенъ мирный договоръ нашими послами съ уполномоченными московскаго царя. По этому договору Москвитяне уступаютъ нашему королю всю Ливонію за исключеніемъ только нарвскаго порта, какъ отдѣльнаго мѣста, занятаго шведскимъ королемъ еще въ то время, какъ нашъ король находился подъ Псковомъ. Впрочемъ и то сказать, что нельзя отдать того, чего нѣтъ въ рукахъ, и только поэтому не состоялся было самый договоръ, который порѣшили наконецъ тѣмъ, что тотъ, кто возвратитъ Нарву, удержитъ ее за собою, и что, при возвратѣ, другой уже не долженъ ее оспоривать. Все, что завоевалъ нашъ

король изъ своего, остается за нимъ, и сверхъ того— Велижъ и Суражъ, занятые послѣ взятія Полоцка; а Москвитянамъ отдаются Великія-Луки, Заволочье и Невель, мѣста взятые въ прошломъ году, и всѣ взятыя Московскія пригороды, а отъ Пскова нынѣ же снимается осада, военные снаряды, находящіеся въ городахъ, назначенныхъ къ сдачѣ, остаются на мѣстѣ, и что кѣмъ или куда привезено, то можетъ каждый возвратить какъ свое. Сказываютъ, что Москвитяне должны сжечь Себежъ (Sobress), пунктъ важный и опасный для Полоцка; но это сомнительно, потому-что еще нельзя видѣть договорныхъ статей. Москвитяне требовали, чтобы плѣнные были равномѣрно размѣнены; но наши не хотѣли этого, потому что въ числѣ ихъ были знатныя лица и важнѣе находящихся въ Москвѣ. Обо всемъ этомъ положено переговорить съ самимъ королемъ, къ которому отправятся послы. На такихъ-то условіяхъ заключено перемиріе на десять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы въ это время условиться о вѣчномъ мирѣ, для чего и должны быть отправлены послы съ обѣихъ сторонъ. Изъ этаго перемирія видно, что Москвитяне сами желали мира, и что ихъ обстоятельства были въ крайности; и если бы наши войска не начинали изнемогать, будучи и сами изнурены войною, то легко могли бы предписывать всѣ условія, которыхъ домогались.

Двѣнадцатаго числа будущаго мѣсяца, король отправляется въ Ригу, главный городъ Ливоніи, откуда объѣдетъ всю провинцію для приведенія всѣхъ дѣлъ въ порядокъ, а послѣ возвратится въ Польшу. Болѣе не нахожу о чемъ писать къ вамъ.—Вильно, тридцать перваго Января 1582.

ДОНЕСЕНІЕ

О СОБЫТІЯХЪ ВЪ ЭПОХУ ЛЖЕДИМИТРІЯ II, ВЪ ОСОБЕННОСТИ, ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА,

НАЙДЕННОЕ

ВЪ БИБЛІОТЕКѢ КНЯЗЯ БАРБЕРИНИ,

ВЪ РИМѢ.

СЪ ИТАЛІЯНСКАГО.

Іоаннъ Васильевичъ, великій князь московскій, который такъ былъ жестокъ, и съ которымъ велъ войну король Стефанъ (Баторій), имѣлъ двухъ сыновей: старшаго — умнаго, а другаго — слабаго духомъ и тѣломъ (pazzarello). Разъ, когда старшій отвѣчалъ ему какъ-то некстати, вскипѣлъ онъ такимъ гнѣвомъ, и до того изъ себя вышелъ, что ударилъ его въ животъ (nellavessica) палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ, которую держалъ въ рукѣ и съ которою всегда хаживалъ подъ-старость, опираясь на нее; отъ этого удара юноша чрезъ нѣсколько дней умеръ; тогда Іоаннъ, видя, что нѣтъ у него другаго наслѣдника, кромѣ втораго сына Ѳеодора, рѣшился, будучи

самъ старикомъ, взять себѣ молодую жену и, приживъ съ нею сына, назвалъ его Димитріемъ (этимъ же именемъ прозывается и нынѣшній великій князь). Черезъ два года послѣ этого онъ умеръ, назначивъ, еще при жизни, нѣсколькихъ бояръ опекунами для обоихъ сыновей отдѣльно. Великокняжескій престолъ, послѣ отца, наслѣдовалъ Ѳеодоръ; но такъ-какъ онъ былъ неспособенъ къ управленію, то жена его, женщина хитрая и умная, приставила къ нему брата своего, по имени Бориса, который, благоразуміемъ и ловкостью своей, при помощи сестры, великой княгини, успѣлъ въ короткое время прибрать къ своимъ рукамъ все управленіе государствомъ. Онъ правилъ сперва отъ имени Ѳеодора, а потомъ возналѣрился и самъ сдѣлаться московскимъ государемъ, видя, что великій князь, не только былъ ограниченныхъ способностей, но и, по слабому здоровью своему, не могъ ни потомства имѣть, ни долго жить. Приступая же къ этому, сначала постарался онъ ловко устранить опекуновъ, приставленныхъ къ Ѳеодору, отправивъ кого въ Казань, кого въ Астрахань и другія отдаленныя мѣста воеводами, подъ предлогомъ веденія войны съ Татарами; а потомъ, и отъ всѣхъ ихъ счастливо отдѣлался: однихъ приказалъ тайно умертвить, а другихъ такъ забросилъ, что и неизвѣстно, куда они дѣвались. Наконецъ, сдѣлавъ то же самое и съ опекунами Димитрія, рѣшился и самого его спровадить со-свѣту. Димитрій же находился въ отдаленномъ отъ двора замкѣ своемъ, оставленномъ ему отъ отца въ наслѣдіе, со всѣми принадлежащими къ замку землями. Но когда Борисъ послалъ туда своихъ людей для совершенія такого замысла, наставникъ Димитрія (который, какъ сказываютъ, былъ родомъ Нѣмецъ, изъ окрестностей Кёльна), узналъ обо всемъ этомъ, не извѣстно какимъ образомъ, и потому, не говоря ни слова, уложилъ онъ, въ одной постели съ Димитріемъ, сына свое-

го, одинакихъ съ нимъ лѣтъ и даже похожаго лицомъ; а когда замѣтилъ, что послѣдній уснулъ, онъ тихонько поднялъ Димитрія съ постели..... Въ назначенный часъ явились подосланные убійцы, и надѣясь, что темнота ночи прикроетъ ихъ злодѣяніе, подошли въ-потьмахъ къ постели, и умертвили — наставникова сына, полагая, что то́ былъ Димитрій. Слуги молодаго князя, услышавъ шумъ, а можетъ-статься, и дѣтскій крикъ, бросились въ комнату княжича, и при видѣ мертваго ребенка, полагая, что это былъ княжичъ, остолбенѣли, пораженные ужасомъ, изумленіемъ и горестію. Въ одно мгновѣніе разнесся по всему околотку шумъ объ этомъ убійствѣ, и стеченіе народа такъ было велико, что отъ тѣсноты, или отъ чего другаго, задохлось нѣсколько дѣтей мужескаго пола. Между-тѣмъ наставникъ, ввѣривъ Димитрія одному дворянину, самъ показывалъ видъ, будто былъ ужасно какъ огорченъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всячески старался, чтобъ не узнали убитаго ребенка, и тѣмъ не обнаружился бы обманъ. Борисъ, напротивъ, боясь, чтобъ убійство не пошло въ огласку, приказалъ распустить слухъ, будто чума въ этомъ замкѣ, и отъ нея-то умеръ Димитрій со всѣми прочими задохшимися тамъ дѣтьми. Извѣстно же, что нѣтъ народа, который бы больше Москвитянъ боялся чумы; по этому замокъ былъ тотчасъ запертъ, и, подъ строжайшею отвѣтственностію, запрещено, чтобы никто не смѣлъ не только оттуда выходить, но даже входить туда или приближаться къ нему. Вскорѣ потомъ Борисъ, притворясь, будто очень сомнѣвается, чтобъ, и при всѣхъ такихъ мѣрахъ предосторожности, не вышла оттуда чума и не распространилась по всему государству, приказалъ наконецъ сжечь этотъ замокъ со всѣми, кто тамъ находился. Немного спустя послѣ этого умеръ и Ѳеодоръ. Тогда Борисъ, успѣвшій устранить всѣ препятствія и себя обезопасить, былъ уже безпрекословно

вѣнчанъ на великокняжескій престолъ. Между-тѣмъ Димитрій тайно воспитывался у вышеупомянутаго дворянина, который, впослѣдствіи, занемогши, и предвидя неминуемую смерть отъ своей болѣзни, присовѣтовалъ Димитрію, который уже былъ на возрастѣ, вступить въ какой-то монастырь; что́ онъ и сдѣлалъ. Но недолго тамъ пробывъ, перешелъ онъ въ другой, мѣняя такимъ образомъ мѣста, изъ опасенія, какъ самъ онъ сказывалъ, чтобъ его не узнали, или же не заставили постричься въ монахи. Наконецъ, отнюдь не открывая никому своего намѣренія, ушелъ онъ тайно въ Польшу съ другимъ какимъ-то монахомъ, изъ монастыря, находящагося на кіевской границѣ, и тамъ, скинувъ съ себя рясу, пошелъ онъ въ услуженіе; сначала присталъ онъ ко двору кіевскаго воеводы, князя Острожскаго; потомъ къ одному польскому пану, по фамиліи Горскому (Gorski), и сказывалъ, что служилъ тамъ въ поваренкахъ (ragazzo di cucina); напослѣдокъ, услышавъ о ненависти, которую сталъ питать народъ къ Борису, за то, что, оставивъ свой первоначальный образъ правленія, онъ сдѣлался вдругъ изъ благодѣтеля тираномъ, Димитрій разсудилъ открыться одному вельможѣ, а именно князю Вишневецкому, зятю сандомирскаго воеводы (Мнишка), упрашивая его, чтобъ постарался, черезъ своего тестя, доставить ему случай — представиться королю и объявить ему, кто онъ, и раскрыть свои справедливыя притязанія (на престолъ московскій); вскорѣ послѣ этого и былъ онъ привезенъ въ Краковъ княземъ Вишневецкимъ, который, снабдивъ его платьемъ, прислугою и прочимъ необходимымъ, наказывалъ, при этомъ, испросить у короля, чтобъ о дѣлѣ его знали и нѣкоторые сенаторы. Удостоясь этой милости, онъ разсказалъ тутъ всѣ свои похожденія и, для бо́льшаго удостовѣренія въ истинѣ своихъ словъ, подтвердилъ это еще нѣкоторыми

доказательствами (Testimoni e indizi), и даже примѣтами на своемъ лицѣ, а именно, небольшою, но весьма явственною бородавкою у праваго глаза на носу, а также, что одна рука у него была нѣсколько длиннѣе другой, всѣмъ этимъ старался доказать, что онъ настоящій Димитрій Іоанновичъ, великій князь московскій; и, однимъ словомъ, такъ хорошо умѣлъ онъ тогда и потомъ разсказывать, что его величество, не только обѣщалъ ему свою помощь, но и, дозволивъ тайно собрать войско, поручилъ упомянутому выше сандомирскому воеводѣ, выступить съ нимъ въ походъ; а между-тѣмъ снабдилъ его даже нѣкоторою суммой денегъ, должныхъ тѣмъ воеводою въ королевскую казну за владѣніе Сандомиромъ. По этому случаю собравъ около 5000 строеваго войска и столько же взявъ еще *казаковъ*, народа дикаго и привыкшаго жить только грабежемъ, которые, впрочемъ, неохотно послѣдовали за нимъ, выступилъ онъ съ воеводою, подъ предводительствомъ котораго находились войска, въ московскую землю, гдѣ имѣлъ такое счастливое начало, что въ двухъ сраженіяхъ остался побѣдителемъ. Ободренный такимъ успѣхомъ, онъ еще дальше углубился въ Московію; многіе дворяне перешли на его сторону; многіе замки ему сдались, и самый народъ снабжалъ его всѣмъ необходимымъ. Но когда встрѣтился онъ съ главнымъ и сильнымъ войскомъ великаго князя, то былъ на-голову разбитъ, потерялъ артиллерію, обозъ и, не устоявъ, принужденъ былъ бѣжать обратно, на протяженіи 25 миль, лѣсами и болотами. Здѣсь до-тѣхъ-поръ онъ скрывался, пока не увидѣлъ, что уже нѣтъ за нимъ погони; тогда воротился онъ въ замокъ, стоявшій за него и именуемый Путивлемъ (Potimolo). Главнокомандующій великаго князя, полагая по всему этому, что если Димитрій бѣжитъ въ Польшу, то избѣгнетъ такимъ образомъ сраженія, преслѣдовалъ

его только одинъ сутки, до замка Рыльска (Riksk), занятаго Димитріевымъ гарнизономъ; но когда замокъ этотъ не хотѣлъ ему сдаваться, онъ сталъ его осаждать и простоялъ тамъ долѣе, чѣмъ воображалъ, потому-что пробылъ до-тѣхъ-поръ, какъ уже снѣга начали таять; а тогда, нечего дѣлать, онъ принужденъ былъ снять осаду, чтобъ не потерять случая вывезти оттуда свою артиллерію, которой въ этихъ странахъ нельзя везти зимою (non si può condurre d'Inverno), по множеству рѣкъ и болотъ, и поэтому сами люди должны были ее тащить на себѣ, безъ помощи лошадей. Узнавъ объ отступленіи непріятеля, Димитрій ободрился духомъ, и началъ собирать свой разсѣянный народъ, пославъ однихъ въ Польшу, набирать новыхъ солдатъ, другихъ для найма Татаръ, и такимъ образомъ ожидалъ сформированія новаго войска. Когда же наступила весна, Борисъ выслалъ войско лучше прежняго противъ Димитрія. Но Богу угодно было, чтобъ между-тѣмъ, какъ войско выступило въ походъ, Борисъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Когда вѣсть эта дошла до главнокомандующаго и до Димитрія, тотъ остановился съ войскомъ, а этотъ началъ, черезъ нѣкоторыхъ бояръ, вести переговоры съ полководцемъ и солдатами такъ успѣшно, что тотъ сдался ему со всѣмъ своимъ войскомъ, удостовѣрясь предварительно, что онъ (Димитрій) настоящій княжичъ, а не какой-нибудь еретикъ (Erisco) или чернокнижникъ, какъ отзывался о немъ покойный Борисъ. Тогда, соединивъ свое войско съ московскимъ, которое ему сдалось, пошелъ онъ къ Москвѣ, главному городу Московіи и столицѣ великаго князя, имѣя своихъ приверженцевъ (pratiche) и въ этомъ городѣ и между боярами, такъ-что, когда подошелъ онъ къ одному главному городу, именуемому Тула (Tuli), въ 30 миляхъ отъ Москвы, дворянство, духовенство, граждане и простой народъ — вышли къ нему на-встрѣчу

и просили помилованія, схвативъ первопачально жену, дѣтей и родственниковъ Бориса. Но жена и дѣти Бориса, отчаясь получить прощеніе у новаго государя, приняли яду, отъ котораго жена и сынъ умерли; дочери же подано тотчасъ врачами пособіе, и она осталась въ живыхъ. Димитрій, продолжая потомъ свой путь, прибылъ въ Москву, и былъ тамъ принятъ съ величайшимъ восторгомъ и торжествомъ.

—

ПОДАРКИ,

присланные нареченной супругѣ великаго князя московскаго, дочери воеводы Сандомирскаго, помолвленной черезъ уполномоченнаго въ Краковѣ, въ Ноябрѣ 1605.

Отъ матери Москвитянина:

два большіе серебряные столика и одинъ такой же, средней величины, для столовой, съ иконами Пресвятыя Троицы и Пречистой Богоматери въ серебряныхъ окладахъ, украшенныхъ драгоцѣнными каменьями; все это несли четыре человѣка.

Отъ московскаго жениха:

перстень съ большимъ брилліантомъ, величиною во флорентинскій піастръ, и стоющимъ болѣе 100,000 скуди.

Шесть брилліантовыхъ украшеній съ разными другими драгоцѣнными каменьями.

Шесть сороковъ соболевыхъ мѣховъ.

Шесть связокъ крупнаго жемчугу, чрезвычайно дорогаго.

Серебряный олень съ вѣтвію тончайшихъ кораллов, вмѣсто роговъ, на головѣ; кораллы токарной работы и оправленные въ золото.

Серебряный быкъ, позолоченный и украшенный каменьями.

Орелъ, такой же отдѣлки.

Слонъ съ своею башнею, той же отдѣлки.

Павлинъ, той же отдѣлки и съ механизмомъ.

Пеликанъ, той же отдѣлки, изъ серебра и золота съ драгоцѣнными каменьями.

Галера искуснѣйшей работы, и такой тяжести, что насилу несли два человѣка.

Огромнѣйшіе стѣнные часы, изъ серебра и золота, съ разными хитростями, трубами, барабанами, колокольчиками и всякими другими, духовыми и ручными, инструментами; и все это одно за другимъ, черезъ нѣкоторое время, приводилось въ дѣйствіе, для показанія всего искусства; работа все турецкая и персидская, самая хитрѣйшая и удивительнѣйшая, и вся украшенная каменьями: эти часы несли четыре человѣка. И наконецъ—

Множество кусковъ сукна, полотенъ, золотой камки, шелковыхъ и разныхъ другихъ матерій, одне прекраснѣе другихъ, какихъ только можно желать.

Всего этого, какъ полагаютъ, было болѣе чѣмъ на милліонъ золотой монетою.

Мать Москвитянина Димитрія поднесла, въ подарокъ, польскому королю:

Двадцать серебряныхъ вызолоченныхъ кубковъ, украшенныхъ каменьями, весьма глубокихъ и вышиною болѣе, чѣмъ въ локоть.

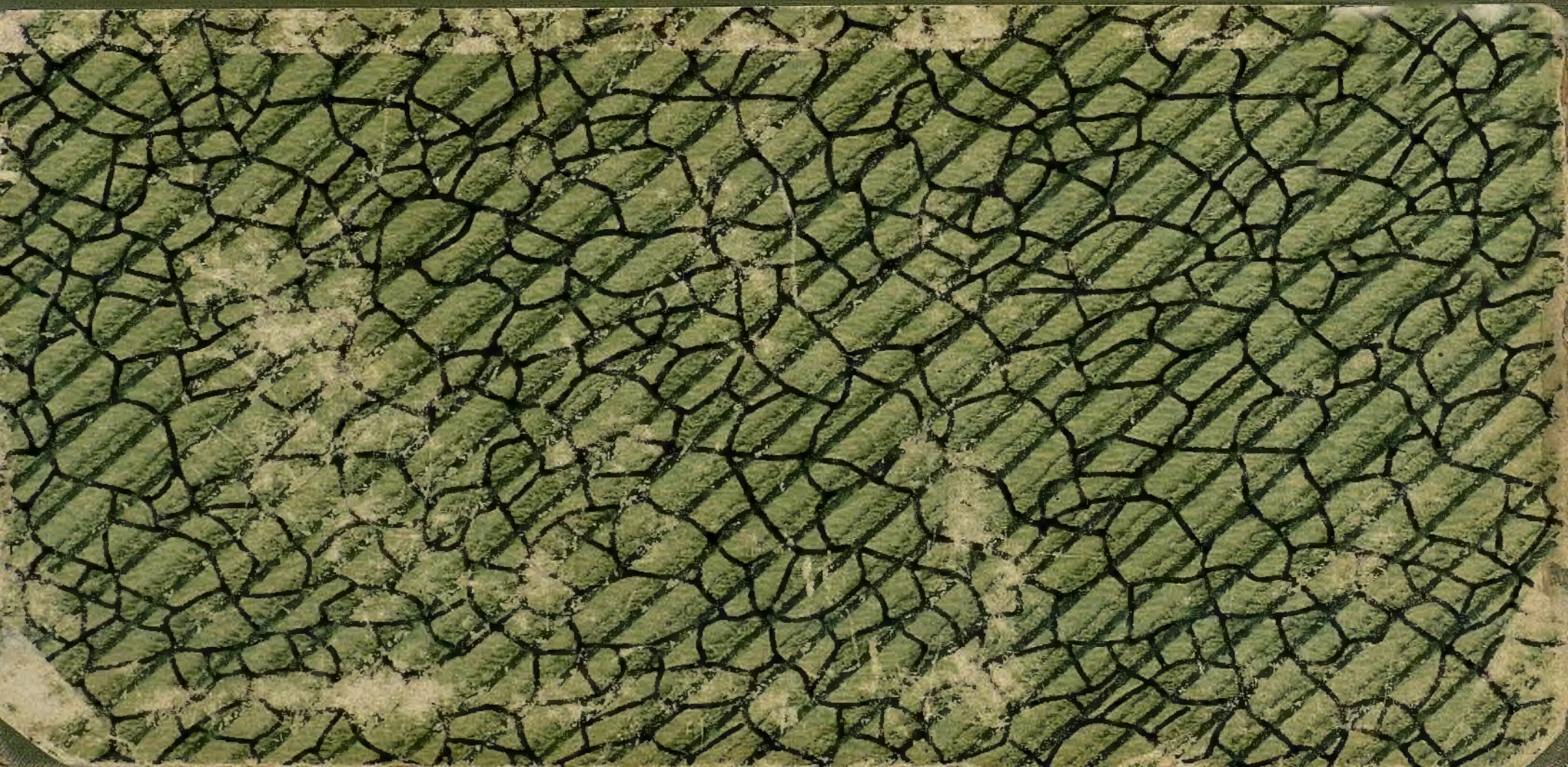
Мать Москвитянина Димитрія прислала въ подарокъ невѣстѣ его, Полькѣ:

Два большіе серебряные столика и одинъ позолоченный столъ, для столовой, изъ которыхъ на первомъ двѣ иконы: одна Пресвятыя Троицы, а другая Пречистой Богоматери, обѣ украшенныя кругомъ каменьями. Каждый изъ столовъ несли по четыре человѣка.

Димитрій, великій князь московскій, прислалъ, въ подарокъ, своей невѣстѣ, Полькѣ:

Перстень съ крупнымъ брилліантомъ, величиною съ *джюліо* (римская и тосканская монета), стóющимъ болѣе 300,000 скуди, и, сверхъ того, шесть украшеній изъ брилліантовъ и другихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ; шесть сорокóвъ собольихъ мѣховъ; шесть большихъ связокъ крупнаго жемчугу; каждая связка съ человѣческую голову, неопредѣленной цѣны. Серебрянаго оленя съ вѣтвію прекраснѣйшихъ коралловъ, вмѣсто роговъ, на головѣ, — токарной работы и въ золотой оправѣ. Серебрянаго, позолоченнаго быка, украшеннаго каменьями. Орла, той же работы. Слона, съ башнею на хребтѣ, той же работы. Павлина, той же работы, и съ механизмомъ. Пеликана, той же работы, въ золотой оправѣ, украшенной каменьями. Галеру, съ удивительнымъ искусствомъ сдѣланную, и такой тяжести, что двумъ человѣкамъ ее нести. Большіе серебряные и золотые стѣнные часы съ многими и различными штуками, трубами, барабанами, музыкою, бубенчиками, колокольчиками, и всякими, духовыми и ручными, инструментами и клавишами; и всё это одно за другимъ, чрезъ нѣкоторое время, показывало свое искусство. Работа все турецкая и персидская, хитрѣйшая и удивительнѣйшая, украшенная вся каменьями. Часы эти несли четыре человѣка. — И, сверхъ того, множество кусковъ сукна на платья, полотенъ, золотой камки, шелковыхъ матерій, и т. п. одно красивѣе другаго, такъ-что и желать лучшаго невозможно. Все это вывезено изъ Персіи и Турціи; и всего вышеозначеннаго было цѣною болѣе, чѣмъ на милліонъ дукатовъ (червонцевъ), кромѣ многихъ другихъ вещицъ, которыя было бы долго вычислять.

—

ПРИМѢЧАНІЕ.

Представленное здѣсь въ переводѣ донесеніе о событіяхъ въ эпоху Лжедимитрія и царя Іоанна Васильевича, было писано, вѣроятно, однимъ изъ находившихся въ войскѣ Самозванца. Такъ думали тогда всѣ иностранцы, прибывшіе въ Москву, и непонимавшіе скрытой и тайной политики Сигизмунда. Всѣ несправедливые разсказы этого-италіянца не заслуживаютъ даже опроверженія. Его донесеніе любопытно только, какъ историческій актъ, изъ котораго видно, какіе толки были въ ту эпоху о современныхъ, важныхъ событіяхъ. Въ наше время открыто уже столько историческихъ актовъ, что о событіяхъ того времени мы можемъ судить съ основательностію. Лучшимъ доказательствомъ о убіеніи св. Димитрія служитъ для насъ сохранившееся *слѣдственное дѣло*, произведенное на мѣстѣ событія. Пожаръ, бывшій въ Угличѣ послѣ убіенія св. Димитрія, онъ приписалъ повелѣнію Бориса Годунова — сжечь городъ, тогда какъ самый домъ, въ которомъ жилъ Димитрій царевичъ, сохранился и донынѣ. Несправедливо взводимая имъ на Годунова вина, въ объявленіи чумы, взята, вѣроятно, также изъ народныхъ слуховъ. Несправедливъ разсказъ и о смерти Ѳеодора Борисовича. Что же касается до обвиненія, взводимаго имъ на кроткую супругу царя Ѳеодора Іоанновича, это проистекло изъ одной ненависти иностранцевъ, находившихся въ войскѣ Лжедимитрія, къ самому Годунову.